

Серотонин

Автор:

[Мишель Уэльбек](#)

Серотонин

Мишель Уэльбек

Знаменитый Мишель Уэльбек, лауреат многих премий, в том числе Гонкуровской, автор мировых бестселлеров «Элементарные частицы», «Платформа» «Возможность острова», «Покорность», удивил всех, написав камерный роман о раскаянии, сожалении и утраченной любви. Сорокашестилетний Флоран-Клод Лабруст терпит очередной крах в отношениях с любовницей. Функционер в сфере управления сельским хозяйством и романтик в душе, он бессильно наблюдает за трагедией разоряющихся французских фермеров, воспринимая это как собственное профессиональное фиаско. Разочарованный и одинокий, он пытается лечиться от депрессии препаратом, повышающим уровень серотонина в крови. Серотонин называют гормоном счастья, но платить за него приходится дорогой ценой. И единственное, что еще придает смысл безрадостному существованию Лабруста, это безумная надежда вернуть женщину, которую он любил и потерял. В апреле 2019 года Мишель Уэльбек награжден за свое творчество орденом Почетного легиона. Содержит нецензурную брань

Мишель Уэльбек

Серотонин

Редакция благодарит Сергея Пархоменко и Александра Бондарева за помощь в подготовке книги.

© Michel Houellebecq et Flammarion, 2019

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Маленькая белая таблетка овальной формы с насечкой посередине.

Когда я просыпаюсь часов в пять, иногда в шесть утра, мне уже невмоготу, это самые мучительные минуты предстоящего дня. Прежде всего я запускаю электрическую кофеварку; накануне вечером я наполняю емкость для воды и засыпаю в фильтр молотый кофе (как правило, «Малонго», я по-прежнему весьма привередлив в этом отношении). Я никогда не закуриваю, не сделал первого глотка; я сам навязал себе такое условие, и мои каждодневные достижения по этой части стали для меня главным источником гордости (хотя нельзя не признать, что электрокофеварки работают быстро). Первая же затяжка мгновенно приносит облегчение, и я поражаюсь невероятной силе ее воздействия. Никотин – идеальный наркотик, простой и тяжелый одновременно, он не приносит никакой радости и может быть описан лишь в терминах ломки и прекращения ломки.

Через несколько минут, выкурив две-три сигареты, я принимаю таблетку капторикса, запивая ее четвертью стакана минеральной воды, чаще всего «Вольвиком».

Мне сорок шесть лет, меня зовут Флоран-Клод Лабруст, и я ненавижу свое имя – если не ошибаюсь, я обязан им двум родственникам, которых мама и папа хотели уважить каждый со своей стороны; это тем более прискорбно, что больше мне родителей упрекнуть не в чем, они со всех точек зрения были прекрасными родителями и сделали все возможное, чтобы полностью вооружить меня для борьбы за существование, так что если я в итоге потерпел поражение и жизнь моя заканчивается в печали и страданиях, их вины тут нет, это скорее удручающее стечение обстоятельств, к которому я еще позволю себе вернуться – о нем, собственно, и написана эта книга, – в общем, мне не в чем упрекнуть родителей, не считая этого незначительного, досадного, но незначительного казуса с именем – мало того что сочетание Флоран-Клод звучит нелепо, мне отвратительны и его составляющие, одним словом, я считаю, что с моим именем у них вышла осечка. «Флоран» слишком нежен, слишком близок к женскому имени Флоранс и в определенном смысле почти андрогинен. «Флоран» никак не вяжется с энергичными, даже brutальными в некоторых ракурсах чертами моего лица, которое часто находят (некоторые женщины во всяком случае) мужественным, еще никому и никогда оно не напоминало лик боттичеллиевского пидора, отнюдь нет. Ну а с «Клодом» и того хлеще, услышав имя Клод, я тут же вспоминаю клодеток[1 - Клодетками называли танцовщиц Клода Франсуа, короля диско 1970-х. (Здесь и далее – прим. перев.)], и в моем воображении возникает жутковатый винтажный клип Клода Франсуа, который бесконечно крутили на одной вечеринке старых педрил.

Сменить имя не так уж и сложно, ну, конечно, не с административной точки зрения, с административной точки зрения невозможно практически все, административные службы видят свою задачу в максимальном сокращении жизненных возможностей человека, если уж не получается вообще свести их на нет; с точки зрения администрации хороший гражданин – мертвый гражданин, я хочу сказать, что это просто с практической точки зрения: достаточно представиться под новым именем, и не пройдет и нескольких месяцев, а то и недель, как все к нему привыкнут, никому и в голову не придет, что раньше вас звали как-то иначе. В моем случае эта процедура прошла бы вообще как по маслу, поскольку мое второе имя Пьер идеально подходит человеку твердому и мужественному, в образе которого мне и хотелось бы предстать перед миром. Но я так ничего и не предпринял, продолжая называться мерзким именем Флоран-Клод, мне удалось разве что добиться от некоторых женщин (а именно от Камиллы и Кейт, но о них позже, терпение, терпение), чтобы они ограничились Флораном, от общества же в целом я ничего не добился ни в этом пункте, ни почти во всех остальных и плыл себе по воле волн, расписавшись в полной неспособности стать хозяином своей судьбы, и пресловутая

мужественность, которую якобы излучало мое квадратное лицо с резкими, крупными чертами, была лишь приманкой и чистым надувательством – правда, я тут ни при чем, так уж мною распорядился Господь, я же был – был на самом деле, был всегда – жалким рохлей и, дожив до сорока шести лет, так и не научился держать под контролем собственную жизнь, так что и вторая ее половина, надо полагать, станет по образу и подобию первой лишь вялым и мучительным разложением.

Первые известные антидепрессанты (сероплекс, прозак) работают как ингибиторы обратного захвата серотонина 5-HT₁-рецепторами нейронов, повышая тем самым уровень серотонина в крови. Открытие в начале 2017-го каптона D – L положило начало новому поколению антидепрессантов с еще более простым механизмом действия, поскольку речь шла о высвобождении серотонина из клеток слизистой желудка и кишечника в процессе экзоцитоза. Уже в конце года каптон D – L поступил в продажу под маркой Captorix. Каптон мгновенно продемонстрировал свою исключительную эффективность, дав возможность пациентам с вновь обретенной уверенностью вернуться к основным ритуалам нормальной жизни в развитом обществе (личная гигиена, социальные связи, сведенные к добрососедским отношениям, элементарные административные процедуры), совершенно при этом не усугубляя, в отличие от антидепрессантов предыдущего поколения, склонности к самоубийству и членовредительству.

Наиболее распространенными побочными эффектами капторикса являются тошнота, потеря либидо и импотенция.

На тошноту я пока не жаловался.

Все началось в Испании, в провинции Альмерия ровно в пяти километрах к северу от Аль-Алькиана, на шоссе N-340. Дело было летом, думаю, в середине июля, ближе к концу второго десятилетия двадцать первого века – если мне не изменяет память, президентом Республики был Эмманюэль Макрон. Погода стояла прекрасная, хоть и очень жаркая, как всегда на юге Испании в это время года. Вскоре после обеда я припарковал свой внедорожник «мерседес G 350 TD»

на заправке Repsol. Залив полный бак солярки, я неторопливо пил колу-зеро, опершись о капот, и все больше мрачнел при мысли, что завтра прилетит Юдзу, но тут напротив компрессора остановился «фольксваген-жук».

Из него вышли две девицы лет двадцати, даже издали было видно, как они прекрасны, в последнее время я и забыл, как прекрасны бывают девушки, я буквально обомлел, словно мне показали эффектный, но уж слишком наигранный театральный трюк. Воздух так раскалился, что казалось, слегка вибрировал, равно как и асфальт на парковке, то есть условия для возникновения миража создались идеальные. Однако девушки оказались из плоти и крови, и меня охватила легкая паника, когда одна из них направилась ко мне. У нее были длинные, слегка волнистые светло-каштановые волосы, забранные под тонкий кожаный ремешок с разноцветным геометрическим орнаментом. Полоска белой ткани худо-бедно прикрывала грудь, а летучая мини-юбка тоже из белого ситца, казалось, готова была взлететь при малейшем дуновении ветра – правда, ничего похожего на дуновение ветра не наблюдалось, долготерпелив и милосерден Господь.

Она была улыбчива, спокойна и, судя по всему, совсем не боялась – испугался, честно говоря, как раз я. Ее глаза светились добротой и счастьем – я с первого взгляда понял, что ей всегда везло в жизни, с животными, людьми и даже с работодателями. Так зачем же она подошла ко мне, такая юная и желанная, в этот жаркий летний полдень? Они с подружкой хотели, чтобы я им вдул (в смысле поддул им шины, я неудачно выразился). Похвальная мера предосторожности, рекомендованная соответствующими организациями в рамках обеспечения безопасности дорожного движения практически во всех цивилизованных странах и даже в ряде других. То есть девушка оказалась не только милой и желанной, но также осмотрительной и благоразумной, и мое восхищение ею росло с каждой секундой. Мог ли я отказать ей в помощи? Разумеется, нет.

Ее спутница в большей степени отвечала стандартным представлением об испанке – иссиня-черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа. Выглядела она менее хиппово, скорее хайпово, с легкой ноткой стервозности, в ее левой ноздре красовалось серебряное кольцо, грудь опоясывала разноцветная повязка с агрессивной графикой и слоганами в стиле то ли панк, то ли рок, я забыл, в чем разница, скажем для простоты, слоганы в стиле панк-рок. В отличие от подружки, она была в шортах, что только усугубляло ситуацию, уж не знаю, зачем производят такие шорты в обликпу, от ее задницы глаз было не оторвать. Раз не

оторвать, то я и не отрывал, но все-таки достаточно быстро сумел сосредоточиться на их просьбе. Я объяснил, что в первую очередь надо проверить, какое давление в шинах желательно для данной модели транспортного средства: обычно оно указано на металлической табличке, приваренной к нижней части левой передней дверцы.

Табличка таки оказалась в искомом месте, и я почувствовал, как взмыло их уважение к моим мужским познаниям. Их машина была не очень загружена – я отметил, что они взяли с собой на удивление мало вещей, две легкие дорожные сумки, небось с ворохом стрингов и обычным набором косметики, – поэтому давления в 2,2 бара им хватит за глаза.

Теперь пришло время приступить собственно к подкачке. Давление в левой передней шине, мгновенно установил я, равнялось всего одному бару. Я заметил с серьезным видом, можно сказать даже сурово, на что возраст давал мне полное право, что они очень правильно поступили, своевременно обратившись ко мне, ведь, сами того не подозревая, они оказались в весьма опасной ситуации: при падении давления возрастает вероятность неконтролируемого заноса, автомобиль хуже удерживает траекторию, так что рано или поздно они неминуемо попали бы в аварию. Девушки отреагировали очень эмоционально и простодушно, и шатенка положила руку мне на плечо.

К сожалению, пользование этими агрегатами – страшная морока, надо улавливать малейшее шипение в компрессоре и на ощупь попасть наконечником шланга в ниппель – право же, вдуть им было бы куда проще, это дело более интуитивное, что ли, девушки наверняка согласились бы со мной в данном вопросе, но я плохо представлял себе, как затронуть эту тему, короче, я поддул левое переднее колесо и уж до кучи левое заднее, они сидели рядом со мной на корточках, с предельным вниманием отслеживая мои движения, и щебетали по-своему, восклицая Chulo и Claro que sí[2 - Круто... Не то слово (исп.)], потом я уступил им место, велел самостоятельно заняться оставшимися шинами под моим отеческим присмотром.

Брюнетка, особа более импульсивная, подсказывало мне чутье, буквально набросилась на правое переднее колесо, и вот тут мне пришлось несладко, она встала на колени, пытаюсь совладать с наконечником насоса, и ее обтянутая мини-шортами попа безупречной округлости задвигалась в такт ее движениями, шатенка, я полагаю, посочувствовав моему смятению, даже приобняла меня за талию, чисто по-сестрински.

Наконец настал черед правого заднего колеса, которым занялась уже шатенка. Эротическое напряжение несколько ослабло, зато его незаметно дополнило любовное, ведь мы все трое знали, что эта покрывка была последней, и теперь им ничего не остается, как продолжить свой путь.

Но все же они еще постояли со мной несколько минут, рассыпаясь в благодарностях и грациозно жестикулируя, их пылкость не была чисто платонической, по крайней мере, так мне это видится сейчас, несколько лет спустя, в те минуты, когда я припоминаю, что в прошлом у меня случалась какая-никакая эротическая жизнь. Они полюбопытствовали, откуда я – я француз, по-моему, я еще не говорил об этом – и где, на мой взгляд, тут можно неподалеку приятно провести время – в частности, их интересовало, известны ли мне какие-нибудь симпатичные заведения. В общем, да, прямо напротив моего дома находится тапас-бар, где к тому же подают весьма обильные завтраки. Также имеется ночной клуб, чуть поодаль, который я с некоторой натяжкой тоже назвал бы симпатичным. Кстати, я мог бы пригласить их к себе и предложить переночевать, уж одну ночь точно, у меня создалось впечатление (хотя теперь мне кажется, что я выдавал желаемое за действительное), что это было бы очень даже симпатично. Но ничего такого я не произнес, объяснив им в общих чертах, что места здесь в принципе приятные (чистая правда) и я тут счастлив (неправда, и грядущий приезд Юдзу делу не поможет).

Наконец они отчалили, помахав мне на прощание, «жук» развернулся на стоянке и выехал к повороту на шоссе.

Дальше сюжет мог раскручиваться по-разному. Будь мы героями романтической комедии, после краткой, исполненной драматизма заминки (на этом этапе все зависит от актера, думаю, Кев Адамс был бы хорош в этой роли) я прыгнул бы за руль своего внедорожника, быстро поравнялся бы с «жуком» на трассе и обогнал бы его, по-дурацки размахивая рукой (по примеру актеров ромкома), «жук» притормозил бы на полосе для аварийной остановки (вообще-то в классическом ромкоме в машине сидела бы одна девушка, скорее всего шатенка), и тут мы бы совершили разного рода трогательные телодвижения под аккомпанемент тяжелого дыхания фур, пронесившихся в нескольких метрах от нас. Автору диалогов имело бы смысл покорпеть над текстом этого эпизода.

А вот доведись нам быть персонажами порнофильма, развитие событий предугадать было бы еще проще, зато диалог утратил бы свое первостепенное значение. Все мужчины вождеуют свежих, экологически чистых девушек, адептов триолизма – ну, почти все мужчины, я уж во всяком случае.

Но поскольку все происходило наяву, я вернулся домой. Меня постигла эрекция, что неудивительно, учитывая сегодняшние перипетии. Я справился с ней привычным способом.

Эти девицы, в особенности шатенка, могли бы придать смысл моему испанскому житью-бытью, но удручающий и тривиальный финал этой истории лишней раз доказал то, что и так не подлежало сомнению: мне совершенно незачем было здесь оставаться. Эту квартиру я купил вместе с Камиллой и для нее. В то время мы строили планы совместной жизни, мечтали о семейном очаге, о романтической мельнице в департаменте Крез или вроде того, разве что производство детей в наши проекты не входило – да и то в какой-то момент мы чудом этого избежали. Первая моя покупка недвижимости, впрочем, и единственная.

Ей тут сразу понравилось. Это был тихий натуралистский городок, в отдалении от гигантских туристических комплексов, тянувшихся стройными рядами от Андалусии до Леванта, население которых составляют преимущественно пенсионеры из Северной Европы – немцы, голландцы, спорадические скандинавы, ну и, конечно, неотвратимые англичане, зато, как ни странно, бельгийцы нам не попадались, хотя все, от архитектуры до планировки торговых центров и интерьера баров, казалось, алкало их присутствия, в общем, не город, а мечта бельгийца. В основном тут обосновались вышедшие на пенсию педагоги, офисный планктон в самом широком смысле слова, а также работники сферы услуг. Они мирно доживали тут свои дни, никогда не опаздывали к аперитиву и простодушно выгуливали дряблые задницы, отслужившие сиськи и вялые члены, слоняясь от бара к пляжу и от пляжа к бару. Они не нарушали общественный порядок, не скандалили с соседями, с сознанием гражданского долга стелили полотенце на пластиковые стулья в баре No problemo и только потом с преувеличенным вниманием принимались изучать меню, впрочем весьма лаконичное (на этом курорте считалось правилом хорошего тона класть на стул полотенце, дабы предотвратить контакт общественной мебели с интимными и порой влажными частями тела посетителей).

Другая, менее многочисленная, но более активная клиентура состояла из хиппующих испанцев (типичными представительницами которых – с душевной болью убедился я – были как раз девушки, попросившие меня подкачать им шины). Тут, я думаю, нам не обойтись без краткого экскурса в новейшую историю Испании. После смерти генерала Франко в 1975 году Испании (точнее, испанской молодежи) пришлось выбирать между двумя противоположными тенденциями. Приверженцы первой, унаследовав дух шестидесятых, превозносили свободную любовь, наготу, эмансипацию трудящихся и тому подобное. Последователи второй, окончательно укоренившейся в обществе в восьмидесятые годы, напротив, ставили во главу угла конкуренцию, жесткое порно, цинизм и биржевые опционы, я, конечно, упрощаю, а как не упрощать, иначе мы совсем запутаемся. Представители первого направления, провал которого был предрешен заранее, постепенно отступали в природные заповедники вроде скромного городка натурастов, где я купил квартиру. Кстати, произошел ли на самом деле этот заранее предрешенный провал? Некоторые явления, имевшие место уже многие годы спустя после смерти Франко, как, например, движение «Индигнадос»[3 - От исп. Indignados, «Возмущенные», движение испанской молодежи против снижения уровня жизни и отсутствия реальной демократии.], убеждают нас в обратном. Равно как и появление давешних девушек на заправке Repsol в Аль-Алькиане в тот тревожный и мрачный день – интересно, самка индигнадо будет индигнадкой? Значит, я провел время в компании двух очаровательных индигнадок? Этого я никогда не узнаю, мне не удалось поближе с ними познакомиться, а ведь я мог бы предложить им посетить наш натуралистский городок, они бы чувствовали себя тут как рыбы в воде, брюнетка, может, и уехала бы, но я и с шатенкой был бы счастлив, хотя надежды на счастье уже довольно призрачны в моем возрасте, но все-таки после нашей встречи мне долго по ночам снилось, что шатенка вернулась и звонит мне в дверь. Она приехала за мной, закончились мои скитания в этом мире, она вернулась и одним мановением руки возродит теперь к жизни мой член, все мое существо и душу. «И в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди!»[4 - Н. Некрасов. Когда из мрака заблужденья...] В некоторых снах она, сообщив, что ее черноволосяя подружка ждет в машине, просила разрешения позвать ее к нам; но эта версия сновидений возникала все реже, сценарий упрощался, а под конец уже без всякого сценария, стоило мне открыть дверь, мы ныряли в светлое неопишваемое пространство. Подобные бредни преследовали меня чуть более двух лет, но не будем забегать вперед.

Пока что завтра во второй половине дня мне предстояло встретить Юдзу в аэропорту Альмерии. Прежде ей не приходилось тут бывать, но я был уверен,

что она сразу возненавидит это место. Нордические пенсионеры неминуемо вызовут у нее отвращение, хиппующих испанцев она презирает, ни одна из этих прослоек общества (которые сосуществуют более чем мирно) не соответствовала ее элитарным представлениям о социальной жизни и мире как таковом, они все были начисто лишены утонченности, я, кстати, тоже начисто был лишен утонченности, зато у меня имелись деньги, даже много денег вследствие определенных событий, о которых я, может быть, расскажу, когда будет время, – собственно, сказав это, я сказал все, что надо сказать о наших отношениях с Юдзу; разумеется, мне следовало бы ее бросить, это очевидно, более того, нам и съезжаться-то не стоило, просто, как я уже говорил, мне требовалось много, очень много времени, чтобы решиться на поступок, да и то чаще всего я капитулировал.

Я быстро нашел место в аэропорту, на парковке гигантских размеров, впрочем, в этом регионе все было гигантских размеров в расчете на небывалый наплыв туристов, который так и не состоялся.

Я уже несколько месяцев не спал с Юдзу, а главное, даже не собирался начинать все по новой, ни за что на свете, по ряду причин, которые я наверняка изложу позже, я вообще недоумевал, какого черта я затеял этот отпуск, и раздумывал, сидя на пластиковой скамейке в зале прилетов, как бы побыстрее положить ему конец – я запланировал две недели, но одной хватило бы с лихвой, я, пожалуй, совру, что мне надо отлучиться по работе, тут уж эта сука не найдет что возразить, она полностью зависит от моего бабла, что дает мне, конечно, определенные права.

Самолет прибывал из Орли без опоздания, в зале прилетов с кондиционером было прохладно и почти пусто – судя по всему, туризм в провинции Альмерия постепенно испускал дух. В ту минуту, когда на электронном табло появилась информация, что самолет совершил посадку, я чуть было не встал и не отправился за машиной – она понятия не имеет, где я живу, и ей не удастся меня разыскать. Но я тут же себя урезонил: рано или поздно мне придется вернуться в Париж, хотя бы по работе, даже если моя служба в Министерстве сельского хозяйства внушала мне почти такое же отвращение, как моя японская подружка, вообще у меня явно начиналась черная полоса, а некоторые кончают с собой и по менее уважительным причинам.

Она, как обычно, была нещадно покрашена, я бы даже сказал размалевана, алая помада и пурпурно-фиолетовые тени подчеркивали ее бледность и «фарфоровое» личико, как выражается Ив Симон в своих романах, – тут я вспомнил, что она всегда пряталась от солнца, блеклая кожа (в смысле фарфоровая, используя терминологию Ива Симона) считается у японок верхом изысканности, только вот что делать на испанском курорте, постоянно прячась от солнца, нет, этот совместный отдых все-таки глупейшее предприятие, сегодня же вечером я перебронирую отели для ночевки на обратном пути, я с ней и недели не высижу, почему бы ей не сэкономить несколько дней отпуска, чтобы полюбоваться цветущей сакурой в весеннем Киото?

Вот с шатенкой все сложилось бы иначе, на пляже она тут же бы разделась, без малейшей досады и презрения, как всякая уважающая себя покорная дочь Израиля, – ее бы не смущали жировые складки толстых немецких пенсионерок (такова уж судьба женщин и будет такой, она это знала, до Второго пришествия Христа во славу) – и явила бы солнцу (и глядящим в оба немецким пенсионерам) славное зрелище своей идеально округлой задницы и бесхитростной, хоть и бритой письки (ибо Господь позволил украшать себя), и у меня снова бы встал, встал бы как у зверя, но она бы не рискнула отсасывать мне прямо на пляже, ведь это семейный натуралистский городок, зачем шокировать немецких пенсионерок, занимающихся на рассвете пляжной хатха-йогой, но я бы все равно почувствовал, что ей этого хочется, и мое мужское естество возродилось бы благодаря ей, но она подождала бы, пока мы окажемся в воде, метрах в пятидесяти от берега (дно тут отлогое), чтобы наконец отдать свои влажные прелести на откуп моему торжествующему фаллосу, а потом в Гарруче мы бы съели на ужин *arroz con bogavantes*, романтизм уже больше не разлучался бы с порнографией, и милость Господня проявилась бы во всей красе, – короче, мысли мои перескакивали с одного на другое, но все же мне удалось изобразить на лице некое смутное подобие радости при виде Юдзу, вышедшей в зал прилетов в гуще тесно сбившегося стада австралийских бэкпекеров.

Мы едва поцеловались, вернее, соприкоснулись щеками, но и это мне показалось избыточным, она тут же села, открыла чемоданчик с косметикой (его содержимое полностью отвечало нормам, установленным для ручной клади на рейсах всех авиакомпаний) и принялась пудриться, не обращая ни малейшего внимания на ленту выдачи багажа – судя по всему, мне надлежало навьючить его на себя.

Ее чемоданы были мне хорошо известны, а как же иначе, это был известный бренд, название которого я запомнил, то ли «Задиг и Вольтер», то ли «Паскаль и Блез», во всяком случае, их концепция состояла в том, чтобы воспроизвести на ткани какую-нибудь географическую карту эпохи Возрождения с весьма приблизительным изображением земного мира, зато украшенную под старину надписями типа «Здесь могут водиться тигры», – одним словом, у нее были шикарные чемоданы, эксклюзивность которых усугублялась отсутствием колес, в противоположность вульгарным «самсонайтам» для менеджеров среднего звена, поэтому их приходилось тащить буквально на собственном горбу, словно дорожные сундуки викторианских модниц.

Испания, как и все страны Западной Европы, втянутая в убийственный процесс наращивания производительности, постепенно упразднила все рабочие места для людей без квалификации, которые когда-то делали жизнь чуть менее гадкой, и обрекла тем самым на массовую безработицу большую часть населения. Такие чемоданы, не важно, от Задига и Вольтера или Паскаля и Блеза, имели смысл только в обществе, где существовала еще должность носильщика.

Судя по всему, с ними было покончено, впрочем, не вполне, подумал я, стаскивая с багажной ленты вещи Юдзу (чемодан и почти такую же тяжелую дорожную сумку, то есть килограммов сорок общего веса): носильщиком был я.

Функции шофера тоже пришлось исполнять мне. Вскоре после того, как мы выехали на трассу А7, она включила айфон, вставила наушники и положила на глаза восстанавливающие полоски с экстрактом алоэ. В южном направлении, в сторону аэропорта, эта трасса могла оказаться опасной, частенько какой-нибудь латвийский или болгарский дальнбойщик терял управление. Навстречу тянулись целые караваны фур, снабжавших Северную Европу тепличными овощами, собранными малийскими нелегалами, но эти фуры только начали свой путь, и водители пока не засыпали за рулем, так что я без всяких проблем обогнал десятка три грузовиков, пока наконец не подъехал к 537-му съезду. На входе в длинный вираж, ведущий к виадуку над Рамбла-дель-Тесоро, на отрезке метров в пятьсот, барьерное ограждение было повалено; чтобы разом со всем покончить, мне достаточно было удержаться и не повернуть руль. В этом месте дорога шла круто вниз, и, учитывая нашу скорость, я мог рассчитывать на безупречный полет, машина даже не покатится по скалистому обрыву, а просто разобьется ста метрами ниже, краткий всплеск чистого ужаса – и все, наконец я отдал бы Богу свою смятенную душу.

Погода была ясная и безветренная – мы быстро приближались к повороту. Я закрыл глаза, вцепился в руль, ощутив на несколько секунд парадоксальное присутствие духа и абсолютной покой; секунд на пять, а то и меньше, мне показалось, что я выскользнул за границы времени.

Судорожным и совершенно произвольным движением я яростно крутанул влево. И очень вовремя – правое переднее колесо уже царапнуло по каменистой обочине. Юдзу сорвала маску и наушники. «Что случилось? Что случилось?» – сердито, с испугом в голосе повторяла она, и я решил отыгаться. «Все в порядке...» – сказал я как можно мягче, с бархатной вкрадчивостью интеллигентного серийного убийцы, в этом смысле Энтони Хопкинс был для меня образцом для подражания, вдохновляющим и практически непревзойденным, вообще с такими людьми необходимо повстречаться на определенном этапе жизни. И я повторил еще мягче, почти сублиминально: «Все в порядке...»

На самом деле я был далеко не в порядке; мне и со второй попытки не удалось вырваться на свободу.

Юдзу, как я и ожидал, совершенно спокойно, стараясь, правда, не выказывать чрезмерной радости, восприняла мое решение сократить наш отдых до недели, и мои отговорки рабочими нуждами, судя по всему, мгновенно ее убедили; в действительности же ей было глубоко насрать.

Впрочем, не такая уж это была и отговорка, я и впрямь уехал из Парижа, так и не сдав аналитический отчет о производителях абрикосов в Руссильоне, от бесполезности этой миссии я впадал в тоску – после подписания договоренностей, находящихся в данный момент на стадии обсуждения, о свободной торговле со странами – участницами МЕРКОСУР производителям абрикосов в Руссильоне придется плохо, и поддержка в виде предоставления права на наименование, защищенное по месту происхождения, «Красный абрикос Руссильона», – всего лишь жалкий фарс, рынок неминуемо наводнят аргентинские абрикосы, так что отныне можно считать руссильонских производителей абрикосов виртуальными покойниками, никто не уцелеет, вообще никто, даже трупы подсчитать будет некому.

Я, по-моему, не успел еще сказать, что служил в Министерстве сельского хозяйства, где моей основной обязанностью было составление справок и отчетов, предназначенных для переговорных групп, чаще всего в составе европейских учреждений, иногда востребованных в рамках более широких консультаций, цель которых состояла в том, чтобы «охарактеризовать, поддержать и представить интересы сельского хозяйства Франции». Статус работника на договорных началах обеспечивал мне высокий заработок, гораздо выше того, что действующее законодательство предусматривает для чиновников. В каком-то смысле я не зря ел свой хлеб, сельское хозяйство Франции настолько сложное и многоплановое, что специалистов, сведущих в задачах всех его отраслей, раз-два и обчелся, так что мои отчеты, как правило, оценивались высоко, мне ставили в заслугу умение сосредоточиться на сути дела, не утонуть в море цифр, а, напротив, подчеркнуть ряд ключевых моментов. С другой стороны, отстаивая позиции французского сельского хозяйства, я терпел поражение за поражением, но, в сущности, моей вины в этих сокрушительных провалах не было, к ним скорее причастны были консультанты по переговорам, птицы редкие и никчемные, чьи бесчисленные неудачи так и не сбили с них спесь, с некоторыми я имел дело лично (но не часто, в основном мы связывались по электронной почте), и от этих встреч меня всегда мутило; обычно я общался даже не с агроинженерами, а с выпускниками коммерческих школ, а я всю жизнь ничего, кроме отвращения, не испытывал к коммерции и ко всему, с ней связанному, да и сама идея «высшего бизнес-образования» в моих глазах была лишь профанацией самого понятия образования, впрочем, ничего удивительного нет в том, что на позиции консультанта по переговорам назначают молодых людей, получивших высшее бизнес-образование, ведь один черт, о чем вести переговоры – об абрикосах, калиссопах из Экса, мобильных телефонах или ракетах «Ариан», переговоры – это отдельный мир, подчиняющийся собственным законам, и доступ в этот мир тем, кто переговоры не ведет, закрыт навсегда.

Но все же я вернулся к своим заметкам о производителях абрикосов в Руссильоне, устроившись в верхней комнате (квартира была двухэтажной), и практически всю неделю почти не виделся с Юдзу, правда, первые пару дней я еще заставлял себя спускаться к ней ради поддержания иллюзии супружеского ложа, а потом и на это махнул рукой, приноровился есть в одиночестве в тапас-баре, действительно очень симпатичном, в том самом, где я так и не побывал с шатенкой из Аль-Алькиана, постепенно я привык засиживаться в нем до вечера, проводя там коммерчески вялый, но в общественном плане не подлежащий сокращению промежуток времени, отделяющий в Европе обед от ужина. В баре царила приятная атмосфера, посетители если и отличались от меня, то в

худшую сторону, учитывая, что они были лет на двадцать – тридцать старше, им уже вынесен вердикт, они вышли в тираж, после обеда в тапас-баре было полно вдовцов, натурастам вдовство тоже не чуждо, хотя, конечно, сюда заходили в основном вдовы и вдовцы-гомосексуалисты, чьи более хлипкие партнеры уже отлетели в пидорский рай; впрочем, различия по сексуальной ориентации уже явно стерлись в этом тапас-баре – который, судя по всему, единодушно избрали те, кому за шестьдесят, чтобы скоротать остаток жизни, – уступив место более банальному размежеванию по национальному признаку: на террасе пролегла четкая граница между зонами английского и немецкого влияния; я оказался единственным французом; что касается голландцев, то они, суки такие, садились где попало, вот уж правда нация лавочников, полиглотов и приспособленцев, голландцы эти, известное дело. И вся эта публика тупо поглощала *cervezas* и *platos combinados*[5 - Пиво... комбинированные блюда (исп.)], обычно в баре было тихо, никто не разговаривал на повышенных тонах. Иногда, конечно, сюда вваливалась прямо с пляжа толпа юных индигнадос, у девочек были еще влажные волосы, и тогда децибелы в баре зашкаливали. Не знаю, чем в это время забавлялась Юдзу, поскольку она отказывалась загорать: скорее всего, смотрела японские сериалы онлайн; я и сейчас понятия не имею, как она трактовала сложившуюся ситуацию. По идее, банальный гайдзин, коим я являлся, не будучи даже представителем каких-либо незаурядных слоев общества, способный разве что приносить в дом приличную зарплату, да и то не бог весть какую, должен был бы чувствовать себя страшно польщенным, что ему выпало счастье делить свою жизнь с японкой, и не просто с японкой, а с японкой юной, сексуальной, из выдающейся японской семьи, вращавшейся к тому же в самых что ни на есть продвинутых артистических кругах обоих полушарий; против такого подхода мало что можно возразить, я был едва достоин развязывать ремни ее сандалий, это понятно, но проблема в том, что я проявлял все более беспардонное безразличие к неравенству наших статусов; как-то вечером, спустившись на кухню за пивом, я внезапно наткнулся на нее, у меня вырвалось «Отвали, сука толстожопая», после чего я вынул из холодильника упаковку *San Miguel* и начатую чоризо, одним словом, выбил ее из колеи на всю неделю, ну как тут напомнишь о своем выдающемся социальном статусе, если собеседник в ответ того и гляди рыгнет тебе в лицо или пукнет, наверняка у нее было кому поплакаться в жилетку – правда, не родственникам, а то они немедленно воспользовались бы ситуацией и принялись бы убеждать ее, что пришло время вернуться в Японию, – скорее подружкам, подружкам или знакомым, полагаю, она не вылезала из скайпа те несколько дней, в течение которых я наконец принял решение плюнуть на производителей абрикоса в Руссильоне, безнадежно катившихся по наклонной плоскости к своему концу; тогдашнее мое безразличие к производителям абрикосов в Руссильоне

представляется мне сегодня провозвестником безразличия, которое я в решающий момент проявил к производителям молочной продукции Кальвадоса и Манша, равно как и более глубинного безразличия, которое разовьется у меня со временем по отношению к своей собственной судьбе, потому-то я сейчас и искал так жадно общества пожилых людей, что, как ни парадоксально, оказалось задачей не из легких, они живо меня раскусили, угадав во мне самозванца, и пару раз английские пенсионеры даже дали мне от ворот поворот (ну и не страшно, англичане никогда не проявляют радушия, англичане почти такие же расисты, как японцы, чьей, так сказать, облегченной версией они являются), голландцы тоже меня отвергли, конечно, не из ксенофобских соображений (какой из голландца ксенофоб? это взаимоисключающие понятия, Голландия вообще не страна, в лучшем случае предприятие), просто они закрыли мне доступ в свой стариковский мир, я еще недостаточно себя зарекомендовал, им сложно было откровенничать со мной о проблемах с простатой и коронарном шунтировании; удивительным образом индигнадос приняли меня гораздо быстрее, их молодости сопутствовала подлинная наивность, за эти дни я вполне мог к ним переметнуться, более того, мне следовало переметнуться, это был мой последний шанс, я, кстати, многому бы их научил, зная назубок все теневые стороны агроиндустрии, их гражданский активизм только окреп бы при моем участии, учитывая, что политика Испании в отношении ГМО более чем спорна, Испания является одной из самых либеральных и безответственных европейских стран в отношении ГМО, Испания вся целиком, все эти испанские campos[б - Поля (исп.).] грозили в одночасье превратиться в генетическую бомбу, в сущности, мне хватило бы одной-единственной девицы, одной девицы всегда достаточно, но ничего такого, что смогло бы затмить в моем воображении шатенку из Аль-Алькиана не случилось, и, оглядываясь назад, я даже не виню в этом присутствовавших в баре индигнадок, я и вспомнить-то не в состоянии, как они ко мне отнеслись, теперь мне кажется, что с напускным дружелюбием, впрочем, и моя сердечность тоже была напускной, меня добил приезд Юдзу, а также осознание необходимости избавиться от Юдзу, и избавится как можно скорее, вследствие чего я оказался не в состоянии заметить их прелести, а если бы и заметил, то не поверил бы в их реальность, словно сомалийский беженец, случайно увидевший в сети документальный фильм о водопадах Бернского оберланда. Дни мои протекали все более мучительно, начисто лишены хоть каких-нибудь событий, достойных этого слова, да и попросту смысла жизни, в итоге я окончательно забросил производителей абрикосов в Руссильоне; в кафе я стал ходить реже, опасаясь столкнуться с очередной индигнадкой с голой грудью. Наблюдал себе за солнечными зайчиками на тротуарных плитках и пил одну бутылку бренди Cardenal Mendoza за другой, вот, собственно, и все.

Несмотря на невыносимую бессодержательность подобного существования, я с тревогой ждал отъезда, на обратном пути мне придется несколько дней спать в одной постели с Юдзу, мы все-таки еще не дошли до того, чтобы брать отдельные номера, да мне и духу не хватило бы так надругаться над Weltanschauung[7 - Мироззрение (нем.)] дежурных администраторш, если не всего обслуживающего персонала гостиницы, так что мы будем неразлучны круглые сутки, и эта пытка растянется на целых четыре дня. В эпоху Камиллы у меня на обратный путь уходило двое суток, во-первых, потому что она водила машину и в любой момент могла меня подменить, а кроме того, в Испании тогда не соблюдались правила ограничения скорости, они еще не перешли на водительские права с системой баллов, и вообще в те годы бюрократические силы европейских стран не взаимодействовали еще так слаженно и на мелкие правонарушения, совершенные иностранцами, смотрели сквозь пальцы. Скорость 150-160 километров в час, вместо жалких ста двадцати, позволяла не только, понятное дело, сократить время в пути, но главное – дольше высидеть за рулем, не говоря уже о большей безопасности. На уходящих вдаль, раскаленных от солнца испанских автострадах, прямолинейных, нескончаемых и пустынных, тянувшихся среди смертельно тоскливых пейзажей, особенно между Валенсией и Барселоной – а уходить с этой трассы не имеет смысла, едучи от Альбасете в Мадрид, тоже можно впасть в депрессию, – так вот, на испанских автострадах, даже выпивая safe solo[8 - Эспрессо (исп.)] при каждом удобном случае и не выпуская из зубов сигарету, очень трудно не заснуть, через два-три часа нудной езды глаза слипаются сами собой, только выброс адреналина на высокой скорости позволяет не утратить бдительность, так что это идиотское ограничение скорости явилось непосредственной причиной роста числа ДТП со смертельным исходом на автострадах Испании, и чтобы избежать риска ДТП со смертельным исходом – хотя это было бы как раз хорошим решением, – я вынужден был ограничить пробег 500-600 километрами в день.

Уже в эпоху Камиллы по пути было почти невозможно найти отель с номерами для курящих, но поскольку, в силу вышеуказанных причин, мы за один день проезжали всю Испанию и на следующий день добирались до Парижа, нам удалось обнаружить несколько диссидентских заведений, одно на Берегу Басков, другое на Кот-Вермей и третье тоже в Восточных Пиренеях, но вдалеке от моря, а именно в горной деревне Баньер-де-Люшон, и отелю «Шато де Риель» я обязан поистине феерическими воспоминаниями о невообразимом, китчевом убранстве его номеров в псевдоэкзотическом стиле.

Тогда диктат закона еще не довели до совершенства, лазеек в нем хватало, к тому же я был моложе и предпочитал всегда действовать в рамках закона, не утратив еще веру в правосудие своей страны и не сомневаясь в общем и целом в человеколюбивом характере ее законодательства, я еще не мог, увы, похвастаться сноровкой герильеро, но, слегка поднаторев, не моргнув глазом обезвреживал детекторы дыма: достаточно было открутить крышку этого устройства, пару раз щелкнув кусачками, отключить питание от сирены и забыть о нем навсегда. Куда труднее оказалось усыпить бдительность горничных, чей нюх, натренированный на запах сигаретного дыма, практически не давал сбоев, поэтому приходилось их умасливать, оплачивая молчание щедрыми чаевыми, хотя, разумеется, при таких условиях пребывание в отеле влетало в копеечку, да и заложить они могли в любой момент.

Для первой ночевки я забронировал «Парадор де Чинчон», и тут трудно что-то возразить, вообще против парадора[9 - Парадоры - отели класса люкс в Испании, расположенные, как правило, в переоборудованных старинных зданиях или с видом на исторические места.] возразить нечего, к тому же этот парадор, построенный в монастыре XVI века, отличался особым шармом, окна комнат выходили на мощенный плитам патио с фонтаном, и везде, в коридорах и даже в лобби, стояли потрясающие испанские кресла темного дерева. В одно из них Юдзу и уселась, закинув ногу на ногу с характерным для нее выражением надменной пресыщенности на лице, и, не обращая ни малейшего внимания на красоту вокруг, тут же включила смартфон, заранее приготовившись пожаловаться на отсутствие сети. Сеть была, и слава богу, это ее займет на весь вечер. Но все-таки ей пришлось встать, причем она не преминула скорчить недовольную мину, чтобы лично предъявить паспорт и вид на жительство во Франции, а также расписаться в указанных местах на трех бланках, врученных ей менеджером отеля, - странным образом администрация парадоров сохранила дотошность и казенные замашки, никак не вяжущиеся с представлением западного туриста о приеме гостей в шарм-отеле[10 - От франц. *h?tel de charme* - букв.: очаровательная гостиница. Подобно парадорам, такие отели часто располагаются в исторических зданиях.], приветственных коктейлей они не подавали, зато непременно делали фотокопии паспортов, наверное, тут мало что изменилось со времен Франко, притом что парадоры и есть шарм-отели, более того, они являются почти безупречным их архетипом, да и вообще в Испании все средневековые замки и монастыри эпохи Возрождения, которые еще держатся в вертикальном положении, перестроены в парадоры. Эта дальновидная политика, начатая еще в 1928 году, стала набирать обороты чуть позже, с приходом к власти одного человека. Франсиско Франко, если отвлечься

от иных, порой сомнительных аспектов его политической деятельности, можно по праву считать родоначальником шарм-туризма в мировом масштабе, но свершения его этим не ограничились, этот универсальный ум заложит впоследствии основы поистине массового туризма (вы только задумайтесь о Бенидорме! о Торремолиносе! существовало ли в мире что-либо сопоставимое в шестидесятые годы?); Франсиско Франко, по сути, был подлинным гигантом туризма, рано или поздно ему воздастся именно по этим делам его, кстати, процесс уже пошел в некоторых швейцарских школах гостиничного бизнеса, мало того, экономической политике франкистского режима были недавно посвящены интересные университетские исследования в Гарварде и Йеле, из коих следует, что каудильо, предчувствуя, что Испания никогда не вскочит на подножку уходящего поезда технической революции, которую она, скажем прямо, элементарно проворонила, отважился сделать ход конем, инвестируя сразу в третью и конечную фазу развития европейской экономики, сведенную к посредничеству, туризму и оказанию услуг, и предоставил таким образом своей стране решающее конкурентное преимущество в тот момент, когда работники с постоянными доходами из новых индустриальных стран, добившись более высокой покупательной способности, решили тратить деньги в Европе либо на элитный туризм, либо на туризм массовый, в зависимости от своего положения в обществе, впрочем, надо сказать, что китайцев в «Парадоре Чинчон» я пока не заметил, за нами ждала своей очереди самая обыкновенная супружеская пара английских профессоров, но китайцы рано или поздно появятся, обязательно появятся, я нисколько в этом не сомневался, только тут придется все же упростить процедуру регистрации, какое бы уважение мы ни питали – и не можем не питать – к подвигам каудильо в области туризма; с тех пор много воды утекло, и я сомневаюсь, что в наше время пришедшие с холода шпионы вздумают вдруг затесаться в невинное стадо обычных туристов, пришедшие с холода шпионы сами стали обычными туристами, по образу и подобию своего предводителя Владимира Путина, первого среди равных.

Покончив с формальностями, завизировав и подписав все гостиничные бланки, я на мгновение снова испытал прилив мазохистской радости, поймав на себе иронический и даже презрительный взгляд Юдзу, когда протянул дежурному администратору свою бонусную карточку Amigos de paradores[11 - «Друзья парадоров» (исп.)], чтобы он отметил мне заработанные баллы; ничего, подождет, не развалится. Затем я отправился в наш номер, волоча за собой свой самсонит; она шла следом, дерзко вскинув голову, притом что ее чемодан и сумка от Задига и Вольтера (или Паскаля и Блеза, всего не упомнишь) остались стоять прямо посередине лобби. Я сделал вид, что ничего не заметил, и как

только мы вошли в номер, вынул из мини-бара Cruzcampo и закурил – ничего страшного, я убедился на опыте, что детекторы дыма в парадорах тоже были наследием франкистской эры, скорее даже конца франкистской эры, и вообще плевать они тут хотели на детекторы, на эту мелкую запоздалую уступку стандартам международного туризма, сделанную в иллюзорной надежде на гипотетическую американскую клиентуру, которая все равно никогда не доберется до Европы, а уж до парадоров и подавно, из европейских городов только Венеция еще может похвастаться каким-никаким американским присутствием, так что европейским туроператорам пора бы обратить внимание на новые, более неотесанные страны, где рак легких является лишь едва заметным и плохо задокументированным неудобством. В течение следующих минут десяти ничего или почти ничего не происходило, Юдзу, послонявшись по комнате, убедилась, что мобильник по-прежнему ловит сеть, зато содержимое мини-бара никак не соответствует ее статусу: там наличествовали лишь пиво, обычная кока-кола (даже коки-лайт не нашлось) и минеральная вода. Потом она процедила с еле уловимой вопросительной интонацией: «Багаж они, конечно, не приносят?» – «Понятия не имею», – ответил я, открывая вторую бутылку Cruzcampo. Японцы в принципе не умеют краснеть, то есть психологический механизм у них срабатывает, но в результате получается скорее охра; должен признать, она умела держать удар, разве что задрожала мелкой дрожью, но проглотила пилюлю, и не прошло и минуты, как она молча развернулась и вышла. Она появилась еще через несколько минут, волоча за собой чемодан, я же спокойно допивал пиво. Когда еще через пять минут она возникла с дорожной сумкой, я как раз приступал к третьей бутылке – после дороги я буквально умирал от жажды. Как я и рассчитывал, она весь вечер со мной не разговаривала, что позволило мне сосредоточиться на еде – владельцы парадоров не только использовали национальное архитектурное наследие, но и с самого начала поставили перед собой задачу продемонстрировать испанскую региональную кухню во всем ее великолепии; по-моему, у них получалось довольно вкусно, хоть и жирновато, как водится.

Решив повысить планку, я забронировал на вторую ночь отель из сети Relais & Châteaux – замок Бриндос в Англете, неподалеку от Биаррица. Тут уж был и приветственный коктейль, и усердная многочисленная обслуга, в номере нас ждали канеле и печенье макарон в фарфоровых чашах, а в мини-баре охлаждалась бутылка шампанского «Рюинар», короче, это оказался охрененный Relais & Châteaux на охрененном, сука, Берегу Басков, и все было бы прекрасно, не вспомни я вдруг, войдя в читальный салон, где вокруг столов со стопками Figaro Magazine, C?te Basque, Vanity Fair и прочей прессы стояли глубокие кресла с ушами, что я уже останавливался в этом отеле с Камиллой, в конце лета, перед

тем как мы расстались, в конце нашего последнего лета, так что и без того едва ощутимый мимолетный прилив симпатии к Юдзу (которая в более благоприятной среде обитания воспрянула духом, замурлыкала, так сказать, и даже принялась раскладывать на кровати свои наряды с явным намерением всех затмить на ужине) и тот мгновенно иссяк, когда я невольно сравнил их манеру держаться в этих интерьерах. Камилла, опешив, прошлась по парадным салонам, задрала голову, изучила картины в рамах, стены каменной кладки и декоративные светильники. Войдя в номер, она аж замерла, впечатленная белоснежным великолепием кровати кинг-сайз, и робко села на краешек, чтобы испытать ее мягкость и упругость.

Окна нашего полулюкса выходили на озеро, и Камилла сразу предложила снаться на его фоне, а когда, открыв дверку мини-бара, я спросил, не налить ли ей шампанского, она воскликнула «Ой, дааа!» с выражением полнейшего счастья на лице; я знал, что она упивалась каждым мгновением этого счастья, доступного высшим слоям среднего класса, чего обо мне не скажешь, я уже бывал в отелях такого уровня: отправляясь на каникулы в Мерибель, мы с отцом по пути останавливались, например, в «Шато-д'Иже» в департаменте Сона и Луара или в «Домен де Клерфонтен» в Шонас-л'Амбаллане, да я и сам принадлежал к высшему среднему классу, тогда как она была дитя среднего среднего класса, обнищавшего во время кризиса.

Мне даже расхотелось гулять у озера в ожидании ужина, я пришел в ужас от одной только кощунственной мысли об этой прогулке и нехотя напялил пиджак (все-таки допив предварительно шампанское), чтобы проследовать в ресторан отеля, отмеченный звездочкой в мишленовском путеводителе, где Джон Арган подвергал творческому переосмыслению местную баскскую кухню в меню под названием «Джон идет на рынок». Эти рестораны, кстати, были бы вполне сносными, если бы официанты не взяли в последнее время манеру приподнятым тоном, исполненным гастрономически-литературного пафоса, подробно повествовать об ингредиентах любой аперитивной мелочи, подкарауливая признаки понимания или как минимум заинтересованности во взгляде клиента, с целью, надо думать, превратить трапезу в коллективное дружеское застолье, хотя уже один их возглас «Приятного отдыха!», заключавший торжественную проповедь, напрочь отбивал у меня аппетит.

Еще одно куда более прискорбное нововведение, появившееся уже после того, как я побывал здесь с Камиллой, заключалось в оснащении номеров детекторами дыма. Я их заметил уже с порога, понимая, что, учитывая высоту

потолка – по меньшей мере метра три, а то и четыре, – мне не удастся их вырубить. Проканителю парочку часов, я обнаружил в шкафу дополнительные одеяла и лег спать на балконе – благо ночь была теплой, а я, помню, и не такого натерпелся в Стокгольме, куда ездил на конгресс по свиноводству. Одна из фарфоровых чаш из-под сладостей вполне сгодится под пепельницу; утром я ее просто помою, зарыв окурки в жардиньерку с гортензиями.

Третий день путешествия тянулся бесконечно, создавалось ощущение, что трасса А10 вся целиком на ремонте, а на выезде из Бордо мы два часа проторчали в пробке. В состоянии крайнего раздражения я доехал до Ньора, одного из самых уродливых городов, какие мне приходилось видеть. Юдзу не сумела сдержать изумленной гримасы, сообразив, что на эту ночь мы остановимся в «Меркюр-Маре-Пуатвен». С какой это стати я подвергаю ее таким унижениям? Унижениям к тому же напрасным, потому что администраторша с плохо скрываемым злорадством сообщила мне, что с недавних пор «по многочисленным просьбам клиентов» отель принимает исключительно некурящих, – да, на их сайте это еще не объявлено, о чем она сожалеет.

На следующий день, ближе к вечеру, когда мы подъезжали к Парижу, я впервые в жизни испытал облегчение, завидев вдалеке очертания его пригородов. В молодости каждое воскресенье я отправлялся вечером из Санлиса, где прошло мое счастливое детство, в Париж, поскольку учился в центре города, и, проезжая через Виллье-ле-Бель, Сарсель, Пьерфит-сюр-Сен и Сен-Дени, отмечал, как возрастала постепенно плотность населения, плодились кварталы многоэтажек, перепалки в автобусе становились все агрессивнее, ощущение опасности усиливалось буквально на глазах, и всякий раз, неизменно, с небывалой остротой меня охватывало чувство, что я возвращаюсь в ад, в ад, созданный людьми по своему вкусу. Теперь все изменилось, поднявшись по социальной лестнице хоть и без особого блеска, но достаточно высоко, я мог отныне и, надеюсь, навсегда избежать физического и даже визуального контакта с опасными классами общества, я пребывал теперь в своем личном аду, который я сам создал себе по своему вкусу.

Мы жили в большой трехкомнатной квартире на двадцать девятом этаже башни «Тотем», причудливой ячеистой конструкции из бетона и стекла на четырех гигантских ногах из необработанного бетона, напоминавшей отвратные на вид, но, говорят, вкуснейшие грибы под названием, если не ошибаюсь, сморчки.

Башня «Тотем» находится в самом центре квартала Богренель, прямо напротив Лебединового острова. Меня воротило от нашей многоэтажки и от всего квартала Богренель тоже воротило, но Юдзу обожала этот гигантский бетонный сморчок, она буквально «сразу в него влюбилась», о чем заявляла всем гостям, во всяком случае в первое время, впрочем, может, и теперь заявляла, но я давно перестал общаться с гостями Юдзу, за минуту до их появления запирался у себя в комнате и весь вечер носа оттуда не показывал.

Мы уже несколько месяцев спали в разных комнатах, я оставил ей «супружескую спальню» (супружеская спальня, уточняю для моих читателей из народа, это обычная комната с гардеробной и ванной), а сам занял «комнату для друзей», пользуясь смежной с ней душевой, – душевой мне было вполне достаточно: почистил зубы, принял душ, и готово.

Наши отношения достигли терминальной стадии, ничто уже не могло бы их спасти, да и незачем, однако нельзя не признать, что у нас была квартира с так называемым «великолепным панорамным видом». Окна гостиной и супружеской спальни выходили на Сену, за ней, по ту сторону 16-го округа, виднелся Булонский лес, парк Сен-Клу и так далее; в ясную погоду на горизонте маячил даже Версальский дворец. Окна моей комнаты выходили непосредственно на соседний «Новотель», до которого было рукой подать, и поверх него – на большую часть Парижа, но это зрелище меня не занимало, я никогда не раздергивал двойные шторы, потому что меня воротило не только от квартала Богренель, меня воротило и от Парижа, я испытывал отвращение к городу, где кишмя кишели представители эко-ответственной буржуазии, я, может, и сам представитель буржуазии, но уж точно не эко-ответственный, я ездил на дизельном внедорожнике – так что, не совершив за всю жизнь никаких особо добрых поступков, я, по крайней мере, внес свой вклад в разрушение планеты, – и вдобавок еще систематически саботировал налаженную домоуправлением программу раздельного сбора мусора, бросая пустые винные бутылки в контейнер для бумаги и тары, а пищевые отходы – в бак для стекла. Я даже немного кичился отсутствием у себя сознания гражданского долга, а кроме того, подленько мстил таким образом за непристойную квартплату и стоимость коммунальных услуг – на квартплату, коммунальные услуги и ежемесячное пособие Юдзу, которое она затребовала на «хозяйственные нужды» (ограничивавшиеся, в основном, заказом суши), уходило девяносто процентов моего заработка, так что в конечном счете моя взрослая жизнь свелась к медленному проеданию отцовского наследства, а мой отец такого не заслуживал, нет, давно пора покончить с этим идиотизмом.

Когда я познакомился с Юдзу, она работала в японском культурном центре на набережной Бранли, в полукилометре от нашей квартиры, и при этом ездила туда на велосипеде, на своем дурацком голландском велосипеде, который ей потом приходилось впахивать в лифт и парковать в гостиной. Думаю, на эту синектуру ее пристроили по благу родители. Я понятия не имел, чем промышляли ее родители, но деньги у них явно водились (из единственных дочерей богатых родителей получают такие вот Юдзу, вне зависимости от страны и культуры), возможно, и не такие уж большие деньги, вряд ли ее отец был президентом «Сони» или «Тойоты», скорее уж каким-нибудь чиновником, высокопоставленным чиновником.

Ее взяли на эту должность, объяснила мне Юдзу, для «омоложения и модернизации» культурной программы. Тут ей было над чем поработать: от буклета, в который я заглянул, когда впервые зашел к ней в офис, повеяло смертельной тоской: кружки по оригами, икебана и тенкоку, выступления театра камисибай и барабанщиков тайко, лекции об игре в го и чайной церемонии (школа Урасэнкэ, школа Омотэ Сэнкэ); их редкие японские гости являлись живыми национальными сокровищами, едва живыми точнее, большинству из них было под девяносто, их следовало бы величать национальными сокровищами при последнем издыхании. Короче, ей достаточно было организовать две-три выставки манга или пару фестивалей, посвященных новым тенденциям в японском порно, чтобы выполнить свои обязанности по контракту; it was quite an easy job[12 - Это была очень непыльная работа (англ.)].

Я перестал ходить на мероприятия Юдзу полгода назад, побывав на выставке Дайкичи Аmano. Этот фотограф и видеохудожник снимал обнаженных женщин, положив на них разных мерзких тварей вроде угрей, кальмаров, тараканов и кольчатых червей... На одном видео японка зубами хватала за щупальца осьминога, вылезавшего из унитаза. По-моему, мне никогда не доводилось видеть ничего более отвратительного. К сожалению, я, как водится, начал с буфета и только потом обратил внимание на экспонаты; через пару минут я ринулся в туалет культурного центра, где меня и вырвало рисом и сырой рыбой.

Выходные всякий раз превращались в пытку, зато в будни мне удавалось почти не встречаться с Юдзу. Когда я уходил в министерство, она еще спала

беспробудным сном – она вообще редко вставала раньше полудня. А когда я возвращался с работы около семи вечера, ее, как правило, не было дома. Вряд ли ее отсутствие в столь поздний час объяснялось служебными функциями, но, в конце концов, ее можно понять, Юдзу было всего двадцать шесть, мне на двадцать лет больше, а с возрастом стремление к общественной жизни снижается, рано или поздно признаешь себе, что закрыл тему, кроме того, я установил у себя в спальне декодер SFR с доступом к спортивным каналам и теперь смотрел матчи футбольных чемпионатов Франции, Англии, Германии, Испании и Италии, обеспечив себе долгие часы развлечений, будь у Паскаля декодер SFR, он бы небось запел по-другому, да и стоило это не дороже, чем у других провайдеров, непонятно, почему SFR в своих рекламных кампаниях не делает упор на такой великолепный пакет спортивных программ, впрочем, это их дело.

Однако, с точки зрения общепринятой морали, гораздо предосудительнее было пристрастие Юдзу к «секс-пати», в котором я не сомневался. Как-то в самом начале нашего романа я ее туда сопровождал. Это мероприятие проходило в особняке на набережной Бетюн, на острове Сен-Луи. Я понятия не имею, какова рыночная стоимость такого дома, миллионов двадцать евро, как знать, – но ничего подобного я никогда не видел. В вечеринке принимали участие человек сто, в соотношении приблизительно два мужика на одну женщину; мужчины с явно более низким социальным статусом в большинстве своем были моложе женщин, многие из них вообще смахивали на пригородных гопников, и я даже было решил, что им тут приплачивают, хотя не факт, в конце концов, ебля на халяву для многих мужчин уже подарок, плюс в анфиладе из трех парадных салонов подавали шампанское и птифуры, там я и провел вечер.

Ничего имеющего отношения к сексу в парадных салонах не происходило, но весьма эротические наряды женщин и постоянные отлучки парочек или целых групп, которые то поднимались наверх в номера, то, наоборот, спускались в подвал, не оставляли никаких сомнений относительно характера этого сборища.

Приблизительно через час, когда стало ясно, что я совершенно не намерен пойти поинтересоваться, какие затеваются междусобойчики за пределами буфета, Юдзу вызвала «Убер». На обратном пути я не услышал от нее ни единого упрека, но при этом она не выразила ни сожаления, ни смущения; она ни словом не обмолвилась о вечеринке, да и вообще больше, мне кажется, никогда о ней не упоминала.

Ее упорное молчание, казалось мне, только подтверждало мою гипотезу, что она так и не отказалась от подобного рода забав, и как-то вечером я решил вывести ее на чистую воду – дурацкая затея, конечно, она могла вернуться в любой момент, и потом, копаться в компьютере своей спутницы жизни – занятие не самое похвальное, все-таки странная это штука – жажда знаний, ну, может, жажда – это сильно сказано, просто в тот вечер не оказалось интересных матчей.

Отсортировав ее мейлы по размеру, я быстро нашел письма с вложенными видеофайлами. В первом из них моя подруга красовалась в центре генг-бенга классического образца: она дрочила, сосала, а десятка полтора мужиков, терпеливо ожидавших своей очереди, попеременно вставляли ей, пользуясь для вагинального и анального секса презервативами; никто при этом не произносил ни слова. Внезапно она решила взять в рот два члена разом, но не вполне справилась с задачей. Затем ее партнеры кончали ей на лицо, полностью залив его спермой, и она закрыла глаза.

Ну что ж, прекрасно, если так можно выразиться, я даже не слишком удивился, меня задело совсем другое – я сразу понял по обстановке, что съемки проходили у нас дома, более того, в супружеской спальне, и вот это уже не очень мне понравилось. Наверное, она воспользовалась моей очередной командировкой в Брюссель, а я уже год туда не ездил, то есть дело было в самом начале нашей совместной жизни, в то время, когда мы еще с ней еблись, и еблись много, мне кажется, я никогда в жизни столько не ебся, она была готова этим заниматься практически без передышки, из чего я заключил, что она в меня влюблена, возможно, это была погрешность анализа, но погрешность анализа, свойственная многим мужчинам, либо это никакая не погрешность, просто так уж устроены женщины (как пишут в работах по популярной психологии), это их формат (как говорят участники политических дебатов на канале Public Senat), и Юдзу просто особый случай.

Как оказалось, это был реально особый случай, что не замедлило подтвердить второе видео. На сей раз действие разворачивалось не у меня дома, и даже не в частном особняке на острове Сен-Луи. Особняк на Сен-Луи был обставлен элегантно, с подчеркнутым минимализмом, в черно-белых тонах, этот же ролик снимался в богатых буржуазных чиппендейловских интерьерах, скорее всего на какой-нибудь авеню Фош, у зажиточного гинеколога или успешного телеведущего, ну, как бы там ни было, Юдзу, подрочив на оттоманке, сползла на пол, вернее, на ковер с невнятно-персидским орнаментом, где ее и поймел

доберман почтенного возраста со всей мощью, присущей его породе. Потом камера поменяла ракурс – оказывается, пока ее жарил доберман (в естественных условиях собаки кончают очень быстро, но писька женщины, очевидно, сильно отличается от сучьей, и он подрастерялся), Юдзу теребила член бультерьера, а затем взяла его в рот. Бультерьер, будучи явно помоложе добермана, кончил меньше чем за минуту, и ему на смену пришел боксер.

После этой собачьей групповухи я выключил видео, меня тошнило, но, в основном, я переживал за собак, с другой стороны, что греха таить, для японки (судя по тому, что я успел узнать о менталитете этой нации) нет большой разницы спать с жителем Запада или сношаться с животным. Перед тем как выйти из супружеской спальни, я скинул все видеофайлы на флешку. Узнать на них Юдзу было очень легко, и я начал обдумывать новый план по освобождению, который состоял просто-напросто (ведь все гениальное просто) в том, чтобы выкинуть ее из окна. Привести его в исполнение будет нетрудно. Сначала ее надо напоить – под тем предлогом, что это напиток исключительного качества, типа подарок местного производителя мирабели из Вогезов, она всегда велась на такого рода аргументы, в этом смысле она так и осталась туристкой. Японцы и вообще азиаты с трудом переносят алкоголь из-за плохого функционирования в их организме фермента ацетальдегиддегидрогеназа, завершающего процесс окисления этанола до уксусной кислоты. Не пройдет и пяти минут, как она впадет в пьяное оцепенение, это мы уже проходили; и тогда я просто открою окно и перенесу туда ее тело, она весит килограммов пятьдесят (приблизительно как ее багаж), так что тащить ее будет легко, а двадцать девять этажей это не шутка.

Я, конечно, мог бы попытаться выдать ее гибель за несчастный случай вследствие злоупотребления спиртным, что выглядело бы весьма правдоподобно, но я беззаветно верил, возможно, чересчур беззаветно, в полицию своей страны, и поначалу планировал даже признаться в содеянном, ведь эти видео, говорил я себе, послужат мне смягчающим обстоятельством. Согласно статье 324 Уголовного кодекса 1810 года, «убийство супруги, совершенное супругом, как и убийство последнего, совершенное таковой, не заслуживает снисхождения (...) однако в случае супружеской измены, в соответствии со статьей 336, убийство супруги, а также ее сообщника, совершенное супругом в момент обнаружения их на месте преступления в супружеском доме, заслуживает снисхождения». Иными словами, если бы я появился дома с «калашниковым» наперевес в тот вечер, когда они устроили оргию, и живи мы при Наполеоне, меня бы оправдали без проблем. Но эпоха Наполеона миновала, миновала даже эпоха «Развода по-итальянски», и в

результате быстрого поиска в интернете я выяснил, что за убийство на почве страсти, совершенное одним из супругов, дают в среднем семнадцать лет; отдельным феминисткам и этого мало, они требуют более суровых наказаний, предлагая ввести в уголовный кодекс понятие «феминицида», что, на мой взгляд, довольно забавно, напоминает инсектицид и пестицид. Но все же семнадцать лет это слишком.

С другой стороны, подумал я, может, в тюрьме не так уж и плохо, она избавляет от всех административных проблем и предоставляет бесплатное медицинское обслуживание, загвоздка, правда, в том, что там всех постоянно бьют и насиляют сокамерники, хотя не исключено, что сокамерники унижают и опускают в основном педофилов либо хорошеньких юношей с ангельскими попками, нежных и светских нарушителей порядка, которые по-глупому попались на дорожке кокса, я же был парень коренастый, мускулистый, в меру пьющий и, в сущности, вполне соответствовал профилю среднестатистического заключенного.

«Униженные и уебённые» – хорошее название в стиле Достоевский-треш, кстати, Достоевский вроде бы писал о мире пенитенциарных учреждений, может, и нам сойдет, проверять мне было некогда, надо было срочно принять решение, к тому же мужик, замочивший жену в порыве мщениия «за поруганную честь», должен, по идее, пользоваться некоторым уважением у сокамерников, размышлял я, руководствуясь своими весьма поверхностными познаниями в области психологии тюремной среды.

Но надо сказать, мне и на воле кое-что очень даже нравилось, например, походы в супермаркет G20 с его четырнадцатью разновидностями хумуса или прогулки по лесу, в детстве я обожал гулять по лесу, жалко, мало гулял, что-то я совсем утратил связь с детством, видимо, длительное заключение все же не лучший выход из положения, но на самом деле перевесил, конечно, хумус. Не говоря уже о моральных аспектах убийства, разумеется.

Как ни удивительно, меня наконец осенило, когда я смотрел Public Senat – хотя от этого канала я ничего особенного не ждал, во всяком случае ничего такого. В документальном фильме «Пропавшие по собственному желанию» рассказывались истории нескольких человек, которые в один прекрасный день, совершенно неожиданно, решили сжечь мосты, порвав отношения с семьей,

друзьями и коллегами: один из них в понедельник утром по дороге на работу бросил машину на стоянке у вокзала, сел наугад в первый попавшийся поезд и поехал куда глаза глядят; другой, выйдя с вечеринки, вместо того чтобы вернуться домой, снял номер в первом попавшемся отеле, а потом долгие месяцы скитался по парижским гостиницам, каждую неделю меняя адрес.

Статистика впечатляла: во Франции ежегодно более двенадцати тысяч человек принимают решение исчезнуть, оставить семью и зажечь новой жизнью, иногда на другом конце света, иногда в своем же городе. Я был ошеломлен и до самого утра просидел в интернете, чтобы разузнать об этом поподробнее, постепенно убеждаясь, что нашел свою судьбу: я тоже исчезну по собственному желанию, к тому же мой кейс предельно прост, мне надо скрываться не от жены, родственников или терпеливо укомплектованной ячейки общества, а всего лишь от сожительницы-иностранки, не имеющей ни малейшего права меня преследовать. Однако на всех онлайн-ресурсах, равно как и в фильме, особо подчеркивался тот факт, что во Франции любой человек, достигший совершеннолетия, «свободен в своих передвижениях» и уход из семьи не считается правонарушением. Эти слова следовало бы выгравировать крупными буквами на всех общественных зданиях: уход из семьи во Франции не является правонарушением. Они очень настаивали на этом пункте, приводя весомые аргументы. Теперь если лицо, пропавшее без вести, попадет под проверку полиции или жандармерии, то полиции и жандармерии строго запрещается сообщать о его местонахождении без его согласия; так, в 2013 году процедура объявления в розыск по требованию членов семьи была отменена. С ума сойти, в стране, где из года в год урезаются права личности, законодательство сохранило это фундаментальное, даже, на мой взгляд, еще более фундаментальное и в философском плане более крамольное право, чем право на самоубийство.

Я не спал всю ночь и с утра пораньше принял надлежащие меры. Не имея никакой определенной цели, но полагая, что судьба приведет меня в сельскую местность, я остановил свой выбор на банке «Креди Агриколь». Счет я открыл мгновенно, но пришлось подождать неделю, чтобы получить доступ в интернет-банк и обзавестись чековой книжкой. Свой счет в БНП я закрыл за пятнадцать минут, и все деньги с него тут же перевел на новый. С переадресацией постоянных платежей, которые мне хотелось сохранить (автостраховка и дополнительное медицинское страхование), я справился при помощи нескольких мейлов. Вот с квартирой пришлось повозиться, я решил, что логичнее будет

выдать им историю про предложение работы в Аргентине, в гигантском винодельческом хозяйстве, расположенном в провинции Мендоса, все сотрудники агентства сочли, что это здорово, стоит завести речь об отъезде из Франции, как все французы восклицают «Как здорово!», это их национальная особенность, их послушать, так даже переезд в Гренландию – это здорово, а уж в Аргентину сам бог велел, видимо, соберись я в Бразилию, менеджер по работе с клиентами вообще бы со стула свалилась от восторга. За два месяца, оставшихся до расторжения договора об аренде, я заплачу банковским переводом, что касается составления акта о состоянии жилого помещения при выезде, то лично присутствовать я, конечно, не смогу, но в этом, собственно, и нет необходимости.

Оставался вопрос с работой. Я сотрудничал на договорных началах с Министерством сельского хозяйства, продлевая контракт ежегодно в начале августа. Мой начальник, казалось, изумился, что я звоню ему во время отпуска, но назначил мне встречу на тот же день. Я решил, что этот человек, достаточно сведущий в области сельского хозяйства, заслуживает более изощренной выдумки, пусть даже в основу ее ляжет исходный вариант. Поэтому я присовокупил к нему пост консультанта по «экспорту сельхозпродукции» в посольстве Аргентины. «Ах, Аргентина...» – сказал он мрачно. Дело в том, что за последние годы экспорт сельскохозяйственной продукции из Аргентины стремительно вырос во всех областях, и это было только начало – по оценкам экспертов, Аргентина, с ее сорока четырьмя миллионами жителей, сможет в перспективе прокормить шестьсот миллионов человек, и новое правительство все прекрасно понимает, так что, проводя политику девальвации песо, эти сукины дети буквально затопят Европу своими товарами, к тому же у них нет никакого рестриктивного законодательства в отношении ГМО, мы с ними еще наплачемся.

– У них потрясающее мясо... – возразил я примирительным тоном.

– Если бы только мясо... – ответил он, мрачней все больше, – зерновые, соя, подсолнечник, сахар, арахис, плодоовощная продукция в полном объеме, мясо, само собой, и даже молоко – в этих отраслях Аргентина может в обозримом будущем сильно подгадить Европе... Значит, вы переметнулись на сторону врага... – заключил он делано шутливым тоном, но с оттенком подлинной горечи.

Я из осторожности промолчал.

– Вы один из лучших наших экспертов; полагаю, их финансовое предложение того стоит... – добавил он, и по его голосу я понял, что он вот-вот сорвется; я снова решил промолчать, осмелившись лишь скорчить некую гримасу, выразившую одновременно согласие, огорчение, понимание и скромность, короче, неслабую такую гримасу. – Ну ладно... – Он побарабанил пальцами по столу.

Дело в том, что мой отпуск заканчивался как раз по истечении срока контракта; так что с формальной точки зрения мне незачем было возвращаться. Он, конечно, был слегка сбит с толку, я все-таки застал его врасплох, но ему не впервой. Минсельхоз хорошо платит внештатникам, если они достаточно компетентны и могут работать в оперативном режиме, гораздо лучше, чем своим чиновникам; но тягаться с частным сектором или даже с иностранным посольством им трудно – решив кого-нибудь заполучить, эти за тратами не постоят, помню, моему однокурснику посольство США посулило, как говорится, золотые горы, он, впрочем, не оправдал доверия, калифорнийские вина по-прежнему плохо продавались во Франции, да и от говядины Среднего Запада что-то никто пока не пришел в восторг, а вот у аргентинской говядины дело шло на лад, хотя и по загадочным причинам – потребитель вообще существо своенравное, гораздо своенравнее говядины, но некоторые советники по связям с общественностью нашли вполне убедительное объяснение этому, они считали, что образ ковбоя уже приелся, все давно усвоили, что Средний Запад – это непонятная безликая территория, застроенная мясокомбинатами, а что вы хотите, от любителей бургеров ведь отбою нет, надо смотреть правде в глаза, ловля коров при помощи лассо – это вчерашний день. А вот при виде гаучо (может, тут сыграла свою роль магия латиноамериканского образа?) у европейского потребителя по-прежнему разыгрывается воображение, ему грезятся бескрайние необозримые просторы и гордая свободолюбивая скотина, гарцующая в пампасах (при условии, что коровы умеют гарцевать, этот пункт требует уточнения), так или иначе, аргентинской говядине был дан зеленый свет.

В последнюю секунду, когда я уже стоял в дверях, мой бывший начальник все же пожал мне руку и, собравшись с духом, пожелал мне напоследок удачи на новом поприще.

Я освободил свой кабинет минут за десять, не больше. Было около четырех, еще и день не кончился, а я уже полностью переиначил свою жизнь.

Следы своей прошлой общественной жизни я стер без особых затруднений, благодаря интернету все значительно упростилось, и счета, налоговые декларации и прочие формуляры заполнялись теперь онлайн, надобность в почтовом адресе отпала, хватало электронного. У меня, однако, все еще было тело, и оно испытывало определенные потребности, так что самой трудоемкой частью моего побега оказались поиски в Париже отеля, куда пускали бы курящих. Мне пришлось сделать добрую сотню звонков, каждый раз напарываясь на торжествующее презрение дежурных, которые с нескрываемым удовольствием злорадно твердили: «Нет, месье, это невозможно, все номера отеля являются некурящими, ваш звонок очень важен для нас», – короче, я провел за этим занятием целых два дня и только на рассвете третьего, когда уже всерьез задумался, не податься ли в бомжи (бомж с семьями тысячами евро на счету – это весьма пикантно), я вспомнил про «Меркюр-Маре-Пуатвен» в городе Ньор, где еще недавно принимали курильщиков, может, хоть с сетью «Меркюр» мне повезет.

И точно, просидев в интернете еще несколько часов, я выяснил, что если подавляющее большинство парижских отелей «Меркюр» и превратилось в зону для некурящих, то из этого правила существовали исключения. Таким образом, своим спасением я буду обязан даже не какому-нибудь независимому отелю-одиночке, а просто мелкому клерку, питающему отвращение к приказам начальства, то есть непокорности и бунту индивидуального морального сознания, уже описанных в ряде экзистенциалистских послевоенных пьес.

Отель находился на авеню Сестры Розалии в 13-м округе, возле площади Италии, я на авеню этой никогда не бывал, и сестру такую не знал, но площадь Италии вполне меня устраивала, на таком значительном расстоянии от квартала Богренель можно было не опасаться случайной встречи с Юдзу, она тусовалась только в Маре и на Сен-Жермене, и, добавив к этим кварталам пару секс-вечеринок в 16-м и 17-м округах, можно было по полученным точкам легко прочертить ее маршрут, так что на площади Италии мне будет так же спокойно, как в Везуле или Роморантене.

Я назначил переезд на понедельник 1 августа. Вечером 31 июля я сидел в гостиной в ожидании Юдзу. Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы сообразить, что происходит, уяснить себе, что я ухожу навсегда и никогда не вернусь. Ее пребывание во Франции было ограничено договором об аренде – через два месяца после его расторжения она должна освободить помещение. Я понятия не имел, сколько она зарабатывала в японском культурном центре, но явно недостаточно, чтобы снимать эту квартиру, а с жизнью в жалкой однушке она вряд ли смирится, ведь для начала ей придется избавиться от трех четвертей своих нарядов и косметики, – несмотря на то, что гардероб и ванная комната в супружеской спальне были внушительных размеров, она умудрилась заполнить доверху все шкафы, количество предметов первой необходимости для поддержания статуса женщины оказалось у нее просто ошеломляющим, женщины часто не догадываются, как это сердит и даже бесит мужчин, у них в итоге возникает подозрение, что им достался некондиционный товар, чья красота требует бесконечных ухищрений, – ухищрений, которые вскоре (каким бы ни было изначально снисходительное отношение настоящего мачо к перечисленным женским причудам) начинают казаться ему аморальными, дело в том, что она вечно торчала в ванной комнате, я понял это во время нашего совместного отдыха: на утренний туалет (ближе к полудню), более поспешные восстановительные работы в середине дня и нескончаемую и безысходную церемонию вечернего омоложения (как-то она призналась, что умащает себя восемнадцатью разными кремами и лосьонами) у нее, по моим подсчетам, ежедневно уходило по шесть часов, и это было тем более прискорбно, что так поступают далеко не все женщины, попадаются и контрпримеры – тут меня вдруг охватила душераздирающая тоска при воспоминании о шатенке из Аль-Алькиана и ее крохотном чемоданчике, некоторые женщины кажутся естественнее, они как-то естественнее сочетаются с окружающим миром, им даже порой удается изобразить безразличие к собственной красоте, конечно, это очередная уловка, но результат налицо, Камилла, скажем, проводила в ванной комнате максимум полчаса, и я уверен, что и шатенка из Аль-Алькиана не больше.

Поскольку арендную плату ей не потянуть, Юдзу вынуждена будет вернуться в Японию, если только не решит вдруг заняться проституцией, у нее имелись необходимые для этого мощности, ее сексуальные услуги были высочайшего качества, особенно в ключевой сфере минета, она усердно вылизывала головку члена, при этом не упуская из внимания факт наличия яиц; разве что она не могла порадовать глубокой глоткой в связи с небольшим размером рта, но, на мой взгляд, глубокая глотка – это всего лишь навязчивая идея немногочисленной группы маньяков, если так уж хочется, чтобы член полностью

утонул во плоти, почему бы не воспользоваться влагалищем, оно ведь для того и предназначено, а преимущество рта, то есть язык, в любом случае самоустраняется в замкнутом пространстве глубокой глотки, где язык ipso facto лишается всякой возможности действия, впрочем, тут не о чем спорить, суть в том, что Юдзу великолепно дрочила, и дрочила охотно, при любой погоде (сколько полетов она мне скрасила своей потрясающей дрочкой!), а главное, она отличалась необычайными талантами в области анального секса, ее задница была крайне восприимчива и легкодоступна, да и подставляла она ее с дорогой душой, а за анал в сфере эскортинга приходится доплачивать, в принципе, за анал она могла бы запросить гораздо дороже, чем обычная блядь, я пустил бы ее по тарифу 700 евро/час и 5000 евро/ночь: благодаря своей неподдельной элегантности и ограниченному, но вполне терпимому культурному уровню, она могла бы стать настоящей эскорт-герл, которую не страшно привести с собой на ужин, даже на важный деловой ужин, уж не говоря о ее причастности к миру искусства, неисчерпаемому источнику ценных тем для разговора, ведь деловые круги, как мы знаем, весьма падки на разговоры об искусстве, кстати, насколько мне известно, некоторые мои коллеги в министерстве подозревали, что я связался с Юдзу именно по этой причине, ведь японка – это высший класс, можно сказать, по определению, и она была, признаюсь без ложной скромности, особо классной японкой, я знаю, что благодаря ей мною восхищались, однако должен засвидетельствовать – и поверьте, на закате дней у меня окончательно исчезло всякое желание врать, – я влюбился в Юдзу не потому, что запал на ее «эксклюзивные» качества эскорт-герл, а именно благодаря ее навыкам обычной бляди.

Честно говоря, я совершенно не видел Юдзу в роли бляди. К блядям я ходил часто, иногда в одиночестве, иногда со своими спутницами жизни, так вот, Юдзу не хватало важнейшего качества для этого чудного ремесла: широты души. Блядь не выбирает клиентов, это принцип, это аксиома, она доставляет удовольствие всем без разбору, и в этом ее величие.

Юдзу, конечно, могла быть центральной фигурой генг-бенгов, но это совершенно особая ситуация, когда обилие членов к услугам одной женщины повергает последнюю в состояние нарциссического опьянения, больше всего ее наверняка возбуждает тот факт, что ее окружают дрочащие на нее мужчины, короче, почитайте Катрин Милле, ее книги весьма убедительны в этом отношении, но все же Юдзу, если не считать генг-бенгов, сама выбирала себе любовников, и выбирала тщательно, с несколькими из них я даже пересекался, в основном это были художники (но не вполне проклятые художники, скорее наоборот), иногда попадались управленцы от искусства, но в любом случае все

довольно молодые, довольно красивые, довольно элегантные и довольно богатые, в таком городе, как Париж, их хоть отбавляй, тут перманентно присутствует несколько тысяч мужиков, соответствующих этому фотороботу, я бы сказал, навскидку тысяч пятнадцать, но у нее их все же было меньше, наверное, пара-тройка сотен, в том числе несколько десятков за то время, что длились наши с ней отношения, в общем, можно сказать без преувеличения, что во Франции она оторвалась по полной, но теперь все, кончен бал.

Ни разу, пока мы были вместе, она не съездила в Японию, и даже не собиралась туда поехать, я стал свидетелем некоторых ее телефонных разговоров с родителями, они показались мне холодными и формальными, краткими во всяком случае, так что тут ее нельзя было упрекнуть в необдуманных тратах. Я подозревал – не то чтобы она мне доверилась, но правда просочилась на ужинах, которые мы устраивали в начале нашей совместной жизни, когда собирались еще завести друзей и вписаться в изысканное общество, радушное, но разборчивое, так вот, правда просочилась благодаря присутствовавшим там женщинам, которых она причисляла к своему кругу, модным дизайнершам, например, либо talent scouts, их присутствие, видно, и настроило ее на исповедальный лад, – я подозревал, что ее родители в своем непонятном японском далеке вынашивали для нее матримониальные планы, более того, вполне определенные матримониальные планы (вроде бы у них имелось только два претендента, а то и вовсе один-единственный), и окажись она снова под их крылом, ей сложно было бы отвертеться, на самом деле ей не удалось бы отвертеться, разве что она бы сотворила кандзе и решила бы на хироку (эти термины – мое изобретение, хотя и не вполне, я запомнил некоторые звукосочетания из ее телефонных разговоров), одним словом, участь Юдзу будет решена в ту минуту, когда ее нога ступит на территорию международного аэропорта Токио Нарита.

Такова жизнь.

Возможно, на этом этапе мне следует внести некоторые уточнения по поводу любви, адресованные скорее женщинам, ибо женщины плохо понимают, что такое мужская любовь, отношение к ним мужчин и их поведение неизменно приводит женщин в замешательство, они часто приходят к ошибочному выводу, что мужчины любить не способны, крайне редко догадываясь, что само слово «любовь» описывает у мужчин и у женщин совершенно разные реалии.

Женская любовь – это сила, сила созидательная, тектоническая, женская любовь – это один из самых величественных катаклизмов, явленных нам природой, и к ней следует относиться с опаской, ее творческий заряд сродни землетрясениям и изменению климата, она дает жизнь иной экосистеме, иной среде, иной вселенной, своей любовью женщина сотворяет новый мир: когда-то разрозненные мелкие твари барахтались в своем мутном бытии, но вот появилась женщина, создав условия для возникновения пары, новой социальной, эмоциональной и генетической сущности, призванной истребить все следы предшествующего индивидуального бытия; эта новая сущность, совершенная уже по сути своей, как подметил Платон, может иногда усложниться до семьи, но это, в общем, мелочи, что бы ни думал по этому поводу Шопенгауэр, во всяком случае, женщина полностью посвящает себя этой задаче, самозабвенно погружается в нее, отдается ей, так сказать, телом и душой, впрочем, она особо их и не различает, разница между телом и душой для нее не более чем бессмысленные мужские заморочки. И ради осуществления этой задачи, которая таковой, собственно, и не является, ибо это всего лишь проявление жизненного инстинкта, она, не колеблясь, готова пожертвовать собой.

Мужчина по природе своей более сдержан, он, конечно, восхищается этим вихрем чувств и уважает его, недоумевая, правда, с чего вдруг это все на него обрушилось, ему кажется странным такой переполох. Но постепенно он меняется, его постепенно затягивает закрученная женщиной воронка страсти и наслаждения, точнее, он признает ее безусловную, чистую волю и понимает, что эта воля – даже если женщина требует воздать ей должное путем частых, а лучше ежедневных вагинальных проникновений (а это и есть обычное условие ее самореализации), – воля абсолютно добрая, и фаллос, средоточие мужского существа, меняет статус, становясь также условием выражения любви, поскольку иных средств в мужском арсенале нет, и в результате этой странной загогулины счастье фаллоса становится для женщины самоцелью, целью, не допускающей никаких ограничений в используемых средствах. Необычайное наслаждение, доставляемое женщиной, постепенно преображает мужчину, в нем пробуждается благодарность и восхищение, трансформируется и его видение мира, и совершенно неожиданно, на его взгляд, он приходит к идее уважения в кантовском смысле, постепенно привыкая смотреть на мир по-другому, и жизнь без женщины (без той конкретной женщины, которая доставляет ему такое удовольствие) кажется и в самом деле невыносимой, превращаясь в карикатуру на жизнь; и вот тут мужчина начинает любить по-настоящему. То есть мужская любовь – это финал, свершение, в то время как женская – зарождение, начало, и не стоит упускать это из виду.

Случается, однако, хоть и редко, что у самых чувствительных и наделенных богатым воображением мужчин любовь вспыхивает мгновенно, так что love at first sight[13 - Любовь с первого взгляда (англ.).] это вовсе не миф; но тогда мужчина, совершив некий беспрецедентный мысленный кульбит и отчасти забегаая вперед, тут же воображает себе всю совокупность удовольствий, которые женщина в течение долгих лет (пока смерть, как говорится, не разлучит их) сможет ему доставить, мужчина уже («всегда уже», говаривал Хайдеггер, когда у него было хорошее настроение) предвосхищает славный конец, и именно такую бесконечность, славную бесконечность взаимных удовольствий я усмотрел во взгляде Камиллы (к Камилле я еще вернусь), а потом, пусть мимолетно (и в гораздо меньшей степени, но все же я был на десять лет старше, и к моменту нашего знакомства секс напрочь исчез из моей жизни, ему там просто уже не осталось места, а я смирился и перестал, по сути, быть мужчиной в полном смысле слова), я уловил ее, на мгновение встретившись глазами с шатенкой из Аль-Алькиана, вечной мукой моей, шатенкой из Аль-Алькиана, последней и, возможно, прощальной надеждой на счастье, которую судьба обронила на моем пути.

Ничего подобного с Юдзу я не испытывал, она увлекла меня постепенно, да и то вспомогательными средствами, из области того, что принято называть извращением, особенно своим бесстыдством и тем, как она мне дрочила (и себе тоже) при любых обстоятельствах, ну а в остальном не знаю, мне пезды и покраше попадались, у Юдзу уж больно она была заковыристая, вся в складках (под определенным ракурсом ее можно было даже охарактеризовать как обвисшую, несмотря на юный возраст хозяйки), если задуматься, ее главным достоинством была попа, постоянная эксплуатационная готовность ее попы, с виду узкой, но на самом деле вполне годной к употреблению, поэтому я постоянно оказывался в ситуации выбора между всеми тремя дырками, а многие ли женщины могут похвастаться таким потенциалом? С другой стороны, как считать женщинами тех женщин, которые не могут им похвастаться?

Кто-то, конечно, не преминет упрекнуть меня в том, что я придаю слишком большое значение сексу; пожалуй, нет, не думаю. Я, разумеется, в курсе, что ему на смену, если жить нормальной жизнью, постепенно приходят иные радости, но секс все-таки единственная возможность лично и непосредственно задействовать свои органы, поэтому через секс, секс бурный, необходимо пройти, чтобы совершилось любовное слияние, без него ничего не выйдет, а остальное, по идее, незаметно приложится. И это еще не все, секс всегда таит в себе опасность, поскольку ставки в этот момент очень высоки. Я не имею в виду непосредственно СПИД, хотя смертельный риск прибавляет остроты ощущений,

пугает скорее риск продолжения рода, что является, в сущности, гораздо более серьезной угрозой, лично я отказался от использования презервативов, как только смог, со всеми своими партнершами, мое желание, важной составляющей которого был страх зачатия, признаться, уже впрямую зависело от отсутствия презерватива, я прекрасно понимал, что если, не дай бог, западный мир действительно отделит деторождение от секса (что иногда возникает на повестке дня), он подпишет тем самым приговор не только деторождению, но и сексу, а заодно и самому себе, католики-идентитаристы уже это поняли, хотя их взглядам не чужды странноватые этические aberrации, вроде неприятия таких невинных обычаев, как триолизм и содомия, но что-то я отклонился от темы, бесконечно подливая себе коньяку в ожидании Юдзу, которую уж никак нельзя назвать католичкой и тем более идентитарной католичкой, было уже десять вечера, не торчать же мне тут всю ночь; правда, я немного расстроился, что придется уехать не попрощавшись, и сделал себе сэндвич с тунцом, чтобы убить время, коньяк кончился, но у меня еще оставалась бутылка кальвадоса.

Благодаря кальвадосу мне и думалось лучше, кальвадос – мощный, глубокий напиток, незаслуженно забытый. Разумеется, я был задет изменами (мягко говоря) Юдзу, они нанесли удар моему мужскому тщеславию, а главное, я заподозрил, что она любила все прочие хуи так же, как мой, этим вопросом мужчины обычно задаются в подобные моменты, задал себе его и я и, увы, ответил на него утвердительно, ведь наша любовь в самом деле была этим замарана, а комплименты моему хую, которыми я так гордился в начале нашего романа (размер приличный, без перебора, исключительная стойкость), теперь виделись мне в ином свете, я угадывал в них проявление хладнокровной объективной оценки, выработанной в результате долгого общения с многочисленными хуями, а вовсе не лирическое наваждение, возникшее в возбужденном сознании влюбленной женщины, что, смиренно признаюсь, мне было бы куда приятнее, я своим хуем совершенно не кичился, если его любят, то и я его люблю, вот, собственно, к чему я пришел относительно собственного хуя.

Однако моя любовь к ней угасла окончательно не на этом этапе, а во вполне на первый взгляд безобидной ситуации, и уж во всяком случае гораздо более мимолетной, наш обмен репликами, последовавший за очередным телефонным разговором Юдзу с родителями, которым она звонила дважды в месяц, продлился от силы минуту. В разговоре она упомянула, я не мог ошибиться, свое возвращение в Японию, и, естественно, я задал ей вопрос, но ответ ее прозвучал

умиротворяюще, она еще очень не скоро туда вернется, не стоит волноваться, и вот тут я понял, понял мгновенно, и какая-то гигантская ослепительная вспышка выжгла во мне остатки разума, а когда, придя в себя, я учинил ей небольшой допрос, то тут же убедился, что предчувствие меня не обмануло: она уже вписала в личный план идеальной жизни свое возвращение в Японию – лет через двадцать, а то и тридцать, то есть, попросту говоря, сразу после моей смерти, иными словами, в план своей будущей жизни она загодя вписала мою смерть, она ее учла.

Реакция моя наверняка была иррациональной, Юдзу все же была на двадцать лет младше меня, так что, по идее, она все равно меня переживет, и даже намного переживет, но именно такую вероятность беззаветная любовь старается не замечать, а то и категорически отрицает ее, беззаветная любовь зиждется как раз на этой невозможности, на этом отрицании, и уже не важно, продиктовано ли оно верой в Христа или приверженностью проекту бессмертия, разработанному Google, беззаветно любимый человек просто не может умереть, он бессмертен по определению, реализм Юдзу был всего лишь вариантом отсутствия любви, и это ее увечье, отсутствие любви, уже не подлежало излечению, в одно мгновение она вышла за рамки романтической, беззаветной любви, войдя в пределы любви по расчету, и вот тут я понял, что все, нашим отношениям пришел конец и лучше завершить их побыстрее, потому что теперь я уже никогда не смогу представить себе, что рядом со мной живет женщина, скорее это некий паук, высасывающий из меня последние жизненные соки, паук в обличье женщины, у которой есть грудь, есть задница (ее я уже нахваливал выше) и даже писька (о которой я высказался более сдержанно), но все это уже не в счет, в моих глазах она превратилась в паука, ядовитого кусачего паука, который изо дня в день впрыскивал мне парализующий смертельный яд, и главное теперь, чтобы он как можно скорее исчез из моей жизни.

Бутылка кальвадоса тоже закончилась, было уже начало двенадцатого, возможно, мне следовало как раз уехать, не повидав ее. Я подошел к окну: речной кораблик, наверняка последний на сегодня, разворачивался у оконечности Лебединого острова; и вот тут я осознал, что очень скоро ее забуду.

Я плохо спал той ночью, пребывая во власти неприятных снов, где я, чтобы не опоздать на самолет, вынужден был предпринять ряд весьма опасных действий, как, например, вылететь с верхнего этажа башни «Тотем», чтобы добраться до

аэропорта Руасси по воздуху, – иногда мне приходилось махать руками, иногда я просто парил, у меня это получалось, но с трудом, и отвлекись я хоть на мгновение, я бы неминуемо разбился, над Ботаническим садом мне пришлось несладко, потеряв высоту, я пролетел всего в нескольких метрах от земли над вольерами хищников, чудом не задев их. Толкование этого идиотского, но живописного сна было более чем очевидно: я боялся, что мне не удастся сбежать.

Я проснулся ровно в пять утра, мне очень хотелось кофе, но я не рискнул шуметь на кухне. Юдзу уже, возможно, вернулась. Какой бы оборот ни принимали ее вечеринки, ночевала она всегда дома: ну не могла же она лечь спать, не умадив себя предварительно восемнадцатью кремами, право, странная мысль. Она, наверное, уже задремала, но сейчас только пять, пожалуй, рановато, вот часам к семи-восьми она уснет сном младенца, придется подождать. Я выбрал опцию early check-in в отеле «Меркюр», так что мой номер должен быть готов к девяти утра, а уж там поблизости наверняка найдется открытое кафе.

Я собрал чемодан накануне вечером, и до выхода мне совершенно нечем было себя занять. Как ни грустно признаться, я не нашел что взять отсюда на память – ни писем, ни фотографий, ни даже книг, все хранилось в моем Macbook Air, тонком параллелепипеде из крацованного алюминия, и весило мое прошлое всего 1100 граммов. А еще я понял, что за два года совместной жизни Юдзу ни разу мне ничего не подарила – вообще ничего, никогда.

Затем я понял нечто гораздо более поразительное – вчера вечером, одержимый мыслью о том, что Юдзу по умолчанию смирилась с моей смертью, я на несколько минут забыл обстоятельства смерти моих родителей. Вот же он, третий выход для романтических влюбленных, не зависящий ни от гипотетического бессмертия трансгуманистов, ни от столь же гипотетического небесного Иерусалима; это решение можно немедленно привести в исполнение, оно не нуждается ни в углубленных генетических исследованиях, ни в усердных молитвах, возносимых Всевышнему; это решение и приняли мои родители, уже лет двадцать тому назад.

Нотариус из Санлиса, среди клиентов которого значились все именитые граждане города, и выпускница Школы Лувра, впоследствии удовольствовавшаяся ролью домохозяйки, – на первый взгляд ничто не предвещало этой паре историю безумной любви. Внешность, как я не раз

убеждался, редко бывает обманчива; но в данном случае это было именно так.

Накануне своего шестьдесят четвертого дня рождения мой отец, уже не первую неделю страдавший от постоянных мигреней, пошел к нашему семейному доктору, и тот отправил его на компьютерную томографию. Через три дня он сообщил о результатах: на снимках была отчетливо видна крупная опухоль, но на этом этапе он затруднялся определить, злокачественная она или нет, и рекомендовал сделать биопсию.

Еще через неделю пришли результаты гистологического исследования: они подтвердили злокачественный характер опухоли – это была то ли анапластическая астроцитома, то ли еще более агрессивный ее вариант – глиобластома. Это редкая опухоль, как правило, быстро ведущая к смерти: девять из десяти больных умирают в течение года после постановки диагноза; причины ее возникновения неизвестны.

Учитывая местоположение опухоли, об операции не могло быть и речи; только химиотерапия и облучение иногда давали неплохие результаты.

Стоит отметить, что ни отец, ни мать не сочли нужным сообщить мне эту новость; я узнал обо всем случайно, когда, заехав в Санлис, увидел конверт из лаборатории, который мать забыла убрать, и спросил у нее, в чем дело.

Потом я не раз задумывался о том, что родители, должно быть, приняли решение еще до того, как я навестил их в тот раз, и даже успели заказать необходимые вещества по интернету.

Их нашли через неделю, они лежали бок о бок на супружеском ложе. Отец всегда старался избавить окружающих от лишних хлопот, поэтому заблаговременно предупредил письмом жандармерию и вложил в конверт запасные ключи.

Они приняли яд ранним вечером, в сороковую годовщину своей свадьбы. Смерть наступила быстро, любезно заверил меня офицер жандармерии; быстро, но не мгновенно, по их позам нетрудно было догадаться, что они до конца пытались

держаться за руки, но в предсмертных судорогах их пальцы разжались.

Мы так и не узнали, каким образом они достали эту отраву, мама стерла всю историю поисковых запросов в домашнем компьютере (наверняка всем занималась она, отец терпеть не мог компьютеры и вообще все, что хоть отдаленно напоминало технический прогресс, он упирался как мог, но в конце концов все же смирился с тем, что надо купить компьютер для офиса, но всем заправляла его секретарша, он, сдается мне, ни разу в жизни даже не прикоснулся к клавиатуре). Разумеется, сказал мне офицер жандармерии, если вы будете настаивать, мы могли бы, наверное, отследить их заказ, ничто не исчезает в облаке бесследно; да, все осуществимо, но так ли уж необходимо?

Я и не подозревал, что можно хоронить двух человек в одном гробу, ведь на каждый чих существует масса санитарных ограничений, мы всегда заранее склонны думать, что все запрещено, а нет, на этот раз, похоже, все разрешалось, разве что отец задействовал свои связи посмертно, отправив несколько писем, он был знаком, как я уже говорил, почти со всеми шишками города и даже департамента, одним словом, они были погребены в одном гробу, в северной части городского кладбища. Мать умерла в пятьдесят девять лет, будучи совершенно здоровым человеком. Священник слегка разозлил меня своей проповедью, напичканной пафосными изречениями о величии любви земной как прелюдии к еще более величественной любви божественной, мне показалось, что неприлично католической церкви эксплуатировать историю моих родителей, когда священник сталкивается с проявлением подлинной любви, ему следует заткнуться, вот что мне хотелось ему сказать, да и что вообще может понять этот шут гороховый в любви моих родителей? Я и сам не уверен, что понимал ее до конца, но в их жестах и улыбках я всегда чувствовал что-то глубоко личное, к чему мне, в общем, никогда доступа не будет. Я не хочу сказать, что они меня не любили, они, без всякого сомнения, меня любили и были со всех точек зрения замечательными родителями, внимательными и заботливыми, но не чрезмерно, и щедрыми в случае необходимости; но это был иной вид любви, я всегда оставался за пределами магического сверхъестественного круга, который они образовывали вдвоем (их взаимопонимание и правда было поразительным, я уверен даже, что пару раз стал свидетелем телепатической связи). Других детей у них не было, и я помню, что, когда, сдав экзамены на бакалавра, я поступил в подготовительный класс по агрономии в лицей Генриха IV и объяснил им, что добираться туда из Санлиса на общественном транспорте мне будет очень неудобно, гораздо практичнее

снять комнату в Париже, я прекрасно помню, что уловил в маминой реакции, хоть и мимолетное, но бесспорное облегчение; ее первая мысль была о том, что они наконец останутся вдвоем. Что же касается отца, то, даже не особенно пытаясь скрыть свою радость, он тут же взял все в свои руки, и через неделю я въехал в студию, обставленную с неуместной роскошью, намного просторнее – это я понял сразу – комнат для прислуги, которыми довольствовались мои товарищи, да и находилась она на улице Дез-Эколь, в пяти минутах ходьбы от лица.

Я встал ровно в семь и бесшумно прошел через гостиную. Бронированная массивная входная дверь открылась беззвучно, словно дверца сейфа.

В первый день августа пробок в Париже не было, и мне удалось запарковаться на авеню Сестры Розалии, в нескольких метрах от отеля. В отличие от основных магистралей этого квартала (авеню д’Итали, авеню де Гоблен, бульваров Огюста Бланки и Венсана Ориоля), которые, расходясь в разные стороны от площади Италии, пропускают через себя большую часть машин из юго-восточных округов Парижа, авеню Сестры Розалии заканчивалась через пятьдесят метров, упираясь в улицу Абея Овелака, тоже относительно скромных размеров. Статус авеню мог бы показаться в данном случае чистой узурпацией, если бы не ее бессмысленная ширина и засаженная деревьями аллея посередине, разделяющая ее на две полосы, пустовавшие в этот ранний час, в общем, авеню Сестры Розалии напоминала скорее частную улицу или псевдоавеню (Веласкеса, Ван Дейка, Рейсдала) в районе парка Монсо, в ней было даже что-то роскошное, и это впечатление усиливалось у входа в отель «Меркюр», представлявшего собой, как ни странно, высокую арку, ведущую во внутренний двор со статуями, такие декорации смотрелись бы куда естественнее в палас-отеле средней руки. В полвосьмого утра на площади Италии уже открылись три кафе: «Кафе де Франс», кафе «Маргерид» (кухня департамента Канталь, но для кухни Канталя было, пожалуй, рановато) и кафе «О’Жюль» на углу улицы Бобийо. Туда я и пошел, несмотря на кретинское название, потому что у владельцев возникла оригинальная идея перевести с английского happy hours, которые превратились в «счастливые часы»; Ален Финкелькрот[14 - Ален Финкелькрот – французский писатель, философ, выступающий, в частности, против англицизмов во французском языке.] наверняка одобрил бы мой выбор.

Меню этого заведения привело меня в восторг, и я уже готов был пересмотреть негативное суждение, которое высказал поначалу относительно его названия, поскольку использование имени Жюль позволило им выработать инновационный

подход к меню, в котором креативность в наименованиях сочеталась с разумной контекстуализацией, результаты чего были заметны уже в разделе салатов, где «Жюль на Юге» (салат, помидоры, яйцо, креветки, рис, оливки, анчоусы, сладкий перец) соседствовал с «Жюлем в Норвегии» (салат, помидоры, копченый лосось, креветки, яйцо пашот, тосты). Я понял, что надолго меня не хватит и вскоре (может, прямо сегодня в полдень) я поддамся чарам «Жюля на ферме» (салат, сыровяленая ветчина, сыр канталь, жареный картофель, грецкие орехи, крутое яйцо), если его не перевесит «Жюль-пастух» (салат, помидоры, горячий козий сыр, мед, жареные ломтики бекона).

Вообще говоря, предлагаемые здесь блюда сводили на нет устаревшую полемику, закладывая основы мирного сосуществования традиционной французской кухни (луковый суп, филе сельди с теплым картофелем) с новаторским фудингом (креветки панко под соусом сальса верде, бейглы из Аверона). То же стремление к синтезу прочитывалось и в карте коктейлей, где, наряду с классикой жанра, фигурировали и подлинно художественные композиции вроде «Зеленого ада» («Малибу», водка, молоко, ананасовый сок, мятный ликер), «Зомби» (янтарный ром, абрикосовый ликер, лимонный сок, ананасовый сок, гренадин) и простейший, как все гениальное, «Бобийо-бич» (водка, ананасовый сок, клубничный сироп). В общем, мне стало ясно, что в этом заведении я счастливо проведу не то что часы, а дни, недели, а то и годы.

Часам к девяти, доев «Breakfast нашего края» и оставив достаточно щедрые чаевые, чтобы заручиться благосклонностью официантов, я направился в лобби отеля «Меркюр», где мне оказали прием, превзошедший все мои самые смелые ожидания. Дежурная за стойкой администратора даже не затребовала мою кредитную карточку и подтвердила, не дожидаясь вопросов, что, согласно моим пожеланиям, мне зарезервирован номер для курящих, – «Вы же погостите у нас недельку?» – продолжала она с легким оттенком очаровательной заинтересованности; я ответил утвердительно.

Я сказал «неделю» наобум, пока в мои планы входило лишь освобождение от токсичных отношений с Юдзу, которые постепенно меня доконали, мой проект добровольного исчезновения удался на славу, вот до чего я дошел, западноевропейский мужчина среднего возраста, вполне обеспеченный на несколько лет вперед, без родных и друзей, не имеющий ни личных планов, ни истинных устремлений, глубоко разочаровавшийся в своей профессиональной жизни, в личном плане переживший много разнообразных романов, общим

знаменателем которых был разрыв, и не видевший смысла в жизни, равно как и в смерти. Я мог бы воспользоваться этим состоянием, чтобы «отпустить прошлое» и «начать жизнь с чистого листа», как выражаются в дурацких телепередачах и статьях по психологии в специализированных журналах; я также мог погрузиться в летаргическое бездействие. Мой номер в отеле, я понял это с первого взгляда, склонял меня к выбору второго варианта: он был действительно крохотный, общей площадью, думаю, десять квадратных метров, передвигаться по нему можно было только вокруг двуспальной кровати, занимавшей практически все пространство, да и то с трудом; напротив кровати, на узком столике вдоль стены, царили вездесущий телевизор и приветственный поднос (чайник, картонные чашки и растворимый кофе в пакетиках). Еще в эту клетушку умудрились втиснуть мини-бар и стул, стоявший перед зеркалом сантиметров тридцать на тридцать; вот и все. Таков был мой новый дом.

Способен ли я быть счастливым в одиночестве? Вряд ли. И вообще способен ли я быть счастливым? Такие вопросы, я полагаю, лучше себе не задавать.

Единственное неудобство гостиничной жизни состоит в том, что надо ежедневно выходить из номера – а значит, вылезать из постели, – чтобы горничная могла убрать. Время отсутствия в принципе не обозначено, график горничных никогда не сообщается клиенту. Я бы лично предпочел, зная, что уборка не занимает много времени, чтобы мне точно указали, во сколько надо покинуть номер, но нет, такая услуга у них не предусмотрена, и в каком-то смысле я их понимаю, это несовместимо с традиционными ценностями гостиничного дела и слишком напоминало бы, скажем, тюремный распорядок дня. Мне оставалось только положиться на инициативность и быстроту реакции уборщицы или, вернее, уборщиц.

Но ведь я мог бы и облегчить им жизнь, подать знак, перевернув картонку, висящую на дверной ручке из положения «Тсс, я сплю – Please do not disturb» (с символическим изображением спящего на ковре английского бульдога) в положение «Я проснулся (ась) – Please make up the room» (на этой стороне вместо бульдога на фоне театрального занавеса красовались две курицы в состоянии бьющей через край и какой-то даже агрессивной бодрости).

Совершив ряд проб и ошибок в первые дни, я пришел к заключению, что двухчасового отсутствия будет вполне достаточно. И вскоре уже выработал краткий маршрут, начинавшийся с «О'Жюля», где с десяти утра до обеда народу

было мало. Потом я шел по авеню Сестры Розалии, упирившейся в круглый зеленый скверик, и в хорошую погоду усаживался на одну из скамеек, расставленных между деревьями, чаще всего я пребывал там в полном одиночестве, случалось, на соседнюю скамейку садился какой-нибудь пенсионер, иногда в сопровождении собачки. Затем я сворачивал направо, на улицу Абея Овелака, не упуская возможности зайти по пути в «Карфур Сити» на углу авеню де Гоблен. Этому супермаркету – я интуитивно почувствовал это, когда заглянул сюда в первый раз, – суждено было сыграть важную роль в моей новой жизни. Отделу восточных продуктов, конечно, далеко было до изобилия супермаркета G

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Клодетками называли танцовщиц Клода Франсуа, короля диско 1970-х. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Круто... Не то слово (исп.).

3

От исп. Indignados, «Возмущенные», движение испанской молодежи против снижения уровня жизни и отсутствия реальной демократии.

4

Н. Некрасов. Когда из мрака заблужденья...

5

Пиво... комбинированные блюда (исп.).

6

Поля (исп.).

7

Мировоззрение (нем.).

8

Эспрессо (исп.).

9

Парадоры – отели класса люкс в Испании, расположенные, как правило, в переоборудованных старинных зданиях или с видом на исторические места.

10

От франц. hôtel de charme – букв.: очаровательная гостиница. Подобно парадорам, такие отели часто располагаются в исторических зданиях.

11

«Друзья парадоров» (исп.).

12

Это была очень непыльная работа (англ.).

13

Любовь с первого взгляда (англ.).

Ален Финкелькрот – французский писатель, философ, выступающий, в частности, против англицизмов во французском языке.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mishel-uelbek/serotonin>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)